

Мargarita
ЮЖИНА
СВИДАНИЕ
С РАЗВРАТНЫМ
ФАВНОМ

ЭКСМО

Маргарита Южина

Свидание с развратным фавном

«Маргарита Южина»

2006

Южина М. Э.

Свидание с развратным фавном / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2006

Ну скажите на милость, что делать кондуктору Серафиме Кукуевой, если подруга начинает ее шантажировать, обвинив в убийстве пассажира? Все просто – надо почитать детективы, быстренько стать сыщицей и лично расследовать, какой дурак пришиб поленом несчастного. Сколько всего интересного можно выяснить в процессе! Например, то, что покойный был любвеобилен, точно фавн, а подруга – совсем не та, за кого себя выдает...

© Южина М. Э., 2006

© Маргарита Южина, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Маргарита Южина

Свидание с развратным фавном

Глава 1

Глаза боятся, ноги бегают

– Женщина! Уберите свои ноги с заднего прохода! Уберите, а то люди спотыкаются! А я говорю – уберите! Ну и что, что не ваши ноги, вам что, трудно взять их и под сиденье затолкать? Ну, народ пошел, ну, народ... Женщина! Женщина! Это вы оранжерею спрашивали? Вы? Мы ее только что проехали. Граждане! Не забываем о взаимной вежливости – выходя, одариваем кондуктора платой! Следующая остановка...

Семен вильнул автобусом к остановке и от звонкого ора своей кондукторши перекосячился. И дернуло же его встретить свою старую учительницу Сирену Романовну! Он еще, как дурак, подбежал, сумки ей помог донести, надо же – не виделись-то лет сорок! А она... Нет, она ничего постыдного не совершила, кроме одной ма-а-аленькой детальки – узнав, что Семен Шишов работает на маршрутке, попросила пристроить к нему свою дочурку кондуктором. Якобы та работает в школе учительницей труда, зарплата маленькая, то да се... И почему Шишову привиделось, что дочурке лет восемнадцать? Отчего он решил, что эта самая дочь будет мила и хороша фигурой и личиной? Почему тогда не удрал от Сирены сломя башку? Надо было прямо с ее сумками и нестись! Так нет же, ему сразу пригрезилось, что доченька обязательно в матушку уродиться должна. Сама-то Сирена Романовна повышенной приятности дамочка, даром что физику преподавала. Всегда на урок с причесочкой, костюмчик на фигурке, как влитой, а сама эдак жеманно ротик пончиком сложит, глазками мырг, мырг... А журнал начнет листать – пальчики оттопырит, будто это и не школьный документ, а туалетная бумага. Не учительница, а крем-брюле! Уж столько лет прошло, а Шишов помнит. Но доченька-то ее в кого такая получилась? Сеня Шишов исподтишка взглянул на кондуктора – худая, длинная, нескладная. Эдакий дистрофичный подросток сорока пяти лет, да и только. А уж орет... Семен уже и музыку врубал, так она и Витаса перекрикивает, как нечего делать, уй-й-й... И имечко у нее – Серафима. Серафима Петровна Кукуева, язвы ее! Не Дуська какая-нибудь, а Серафима Петровна. Образина фигова, тьфу!

– Сеня! Какого лешего ты на меня глазами моргаешь?! – взвилась напарница. – Давай теперь уснем здесь, ага... Все уже сели давно! И не открывай заднюю дверцу, просила же... Трогай!

– Не ори на меня! – нервно подпрыгнул Семен, шибанул ни в чем не повинный руль и внимательно вперил глаза на дорогу. – И поскромнее будь – еще трогать тебя! Эх, и за что ж меня так Сирена? Наверное, за закон Ома... Объявляй давай остановку, да скажи, чтобы впереди не толпились, к задней двери продвигались, открываю же!

Серафима Петровна недовольно посопела носом и подарила водителю взгляд, полный презрения. Да уж... И почему это мамочка не пристроила ее к какому-нибудь своему бывшему ученику-красавцу, владельцу супермаркета?! К какому-нибудь эдакому бизнесмену – умному, симпатичному, с тяжелой волевой челюстью. Так нет же – сидит за рулем маленькая, скрюченная обезьяна, ни мужского благородства в ней, ни шарма, но уж гонора! Только и научился руль крутить, зато сидит теперь королем и сам себе нравится. А что за имечко – Сеня Шишов? Одно слово – Шиш! И ведь вредный какой – говорят ему: не открывай заднюю дверцу, через нее неоплаченные пассажиры просачиваются, но ведь как упрется...

– Бабушка! – вдруг встрепенулась Серафима, чувствуя, как ей в ладонь тычутся твердые корочки. – Бабуся, это не пойдет... Зачем вы мне свой пенсионный суете? Видите же – у нас без льгот. Без льгот у нас, говорю! Граждане, кто владеет сурдопереводом, объясните... А ладно, идите бабуся, ступайте... ага... и вам тоже доброго здоровьичка и жениха-гаишника... Молодые люди в задней половине судна! Не толпитесь у выхода, вы еще не расплатились! Сеня! Шиш противный! Заднюю дверцу не открывай, сбегут! Сейчас я их...

Серафима резво вскочила с кресла и, раскидывая пассажиров направо и налево, стала пробираться к задней площадке.

– Т-ты на м-меня нас-ступила... – вдруг тоненько захныкал какой-то пьяненький господин в китайском пуховике и с корзинкой в руках. В корзинке нежно позвякивали бутылки. Он еще раз жалобно хрюкнул и неожиданно грубо возопил на весь автобус: – Гадина!

– Это кто тут воздух портит нецензурными выражениями? – грозно нахмурилась Серафима. – Товарищи пассажиры, исполните свой гражданский долг, долбаните этого алкоголика по темечку! Его жена вам будет благодарна... Так, молодые люди, покупаем билетки, морды в окошко не воротим, не воротим...

Пока молодые люди выгребали из карманов мелочь, пьяненький господин осознал наконец, что его в транспорте не уважают, и решил восстановить порушенный авторитет. Он медленно поднялся с сиденья, устроил свою корзину на колени соседке, а затем, опираясь на голову впереди сидящего почтенного мужчины, выгнул грудь радугой и гневно отчеканил:

– Я не могу так ехать! Да! Здесь не кондуктор, а... а... крыса! Поэтому, милые сограждане, одолжите мне немножко денежек на такси.

Сограждане упорно любовались заоконным пейзажем, с нетрезвым мужчиной связываться опасались. Пьяненький дядечка еще с минуту покачался, потом огорченно щелкнул по голове почтенного мужчину, яростно выдернул корзину из рук ошалевшей дамы и рухнул обратно. Серафима только высокомерно фыркнула и продолжала быстро отрывать билеты.

– Чучундра! – выкрикнул пассажир, когда она направлялась обратно на свое место.

– Ой, я тебя умоляю... – перекосилась та. – На себя посмотри! Прямо храбрый мангуст Рикки-Тикки-Тави!.. Женщина, возьмите ребеночка на руки! Что ж он у вас отдельно восседает, когда столько народу стоймя стоит?

Женщина, чей малыш вальяжно развалился на двух сиденьях, гневно сверкнула глазами на кондуктора и обернулась к пьяному:

– А вы знаете, я с вами где-то согласна, Чучундра и есть, – поджала она малиновые губы.

– З-значит... дашь денежку? – снова ожил мужчина в пуховике, но дама уже увлеченно учила малыша:

– Скажи, Эдик: «Тетя – кака, пожалела Эдичке места!» Ну, говори...

Серафима проглотила колючий, будто еж, ком обиды и плюхнулась на свое место. Ничего, главное – выдержка. Еще две остановки – и конечная. А там можно перекусить и хоть немножко отдохнуть.

Однако и на конечной с отдыхом не сложилось.

Когда пассажиры покинули салон, выяснилось, что на заднем сиденье остался мирно храпеть тот самый скандальный любитель спиртного. И разбудить его оказалось делом многотрудным.

– Эй! Мушщина! – попробовала со своего места пробудить соню Серафима. – Вставайте! Приехали!

Тот звучно всхрапнул, прижал корзину к сердцу и расположился удобнее. Надо думать – надолго.

– Я говорю – вставайте! Освободите помещение! – уже нервно подскочила к нему кондуктор. – Семен! Шишов! Чего с ним делать-то?

Семен собирался срочно посетить весьма пикантное место и будить пьяного у него просто не хватало терпезу:

– Симка!

– Я попрошу не фамильярничать! – вытаращила глаза Серафима.

– Ну не Анжелой же мне тебя кликать! – возмутился Семен и властно скомандовал: – Я... мне по делу надо. А ты пока убери отсюда это недоразумение. И вообще, ты ж взрослая баба, на кой хрен тебе надо было ему настроение портить? Теперь вот буди сама. Так, тут ничего не трогай, я скоро. Да! Если Федоров придет, скажи, чтоб подождал, он мне нужен.

Семен отгарахтел наставления и вприпрыжку понесся к светлому одинокому зданию.

Серафима закатала рукава, хлюпнула носом и приблизилась к спящему. Возле господина вяло переработанными продуктами. К тому же он явно собирался осквернить салон. Поэтому вытолкать его надо было по-боевому – за сорок пять секунд. Сима неуверенно потянула мужчину за ногу. Нога яростно дрыгнулась, корзина рухнула, и из нее выкатились две полненькие бутылочки водки. Из уст хозяина немедленно вырвался поток гневного бормотания.

– Вот дрянь какая, а... – растерялась Серафима и сунула водку в корзину. – Ну, не хочешь по-доброму... – Она направилась к своему креслу, где у нее была припрятана бутылочка минералки. – Сейчас я тебе устрою тонизирующую ванну...

– Ой, Симка, а чего у тебя тут воняет так, а? – прервала ее намерения коллега по работе – Лилька.

Лилька работала кондуктором на этом же маршруте со своим мужем – вялым, замороженным Иваном Федоровым, считала себя жуткой красавицей и новатором кондукторской профессии. В их салон всегда набивалась масса народу, потому что Лилечка вместо объявления остановок ублажала пассажиров народными песнями по заявкам тружеников города. Когда она взывала «За нами Россия, за нами Арбат» на мотив цыганского романса и с чувством брызгала слезами, весь автобус катался от смеха. Разумеется, кроме супруга-водителя. Единственное неудобство злило Лильку Федорову – пассажиры никак не хотели выходить на своих остановках и с одними и теми же билетами катились до конечной.

Совсем недавно Лилечка посмотрела на себя в зеркало и решила, что ее красота недостаточно ярко бросается в глаза, а потому покрасила волосы в цвет вороньего крыла. И пусть все говорили, что теперь она жутко похожа на майора Томина из известного фильма, сама себе она нравилась. Серафиму Лилька взялась опекать просто потому, что у нее до сих пор не было таких удобных, маловыразительных подруг.

– Вау! Вот, значит, кто у тебя тут смердит. Слушай, ты его выталкивай быстрее, а то я этих алкашей прям совсем не перевариваю! Прям меня с них тошнит, ты ж знаешь, какая я безразличная! Ф-фу... Ну чего ты возишься?

Лилька сморщила носик, однако из салона не вышла, а устроилась на кондукторском сиденье возле водителя.

– Да как же его вытолкнуть-то? – чуть не ревела Серафима. – Может, вместе, а? У тебя ж тоже такие остаются...

Лилька выкатила глаза и всерьез возмутилась:

– Какое «вместе»! Нет-нет, ты чего, сдурела?! У меня с такими всегда Федоров разбирается, а я... Я ж пою! А сейчас он побежал очередь в столовку занимать, некогда ему твою пьянь перемещать.

Серафима плюнула на «помощницу», вздохнула поглубже и всю бутылку своей минералки вылила прямо в лицо храпуну. Тот вскочил на удивление шустро. Ошалелыми глазами обвел пустой автобус и молчком потрусил к передней дверце. Увидев Лильку, он ароматно икнул и рухнул на даму с лобызаниями. Равновесие потерялось, зато рука, совершенно случайно, улеглась на широкий водительский стол, где Кукуева кропотливо укладывала десяточку к десяточке, а пятидесятки рядышком. Лилька, ощутив на своем теле непрошеного гостя,

издала пронзительный сигнал тревоги, от которого пьяненький господин засуетился, нервно сгрел деньги и выскочил из злополучного автобуса на волю.

– Стой, гад! Куда с выручкой?! – подпрыгнула на месте от Лилькиного крика Серафима и кинулась вдогонку.

Потом вернулась, схватила злополучную корзину и снова кинулась догонять хулигана.

– Ой, да ты его разве догонишь?! – кричала вслед Лилька. – Вон как несется, прямо орловский рысак! Симка, да брось ты его, вы все равно много не зарабатываете!!

Серафиму особенно задело последнее замечание. Они с Сенькой работают уж не хуже, чем Лилька со своим Федоровым. И алкаша этого она догонит! Он все равно далеко не убежит.

Он и не убежал. Только дотрусил до ближайших кустов, а потом вдруг резко развернулся и по-звериному оскалился:

– Чо надо? – накинулся он на Серафиму и резко выдернул из ее рук свою корзинку. – От-дай водку! Лекарство это... на святое замахнулась... Главное, бегаешь еще за мной! У-у-у, быстрая какая нашлась... Щас как дам в шею! Или прям-таки ногой пну, и ничего мне не будет, я документ имею. Да, имею. Сам написал. Там так и написано: могу творить, чего хочу, потому что все равно дурак дураком. Ясно тебе? Ясно?

Серафима тяжело дышала от бега и страха. Такая разительная перемена здорово пугала – ведь и правда ненормальный, в шею обещал... Однако ж на всякий случай она миролюбиво поинтересовалась:

– А... простите, деньги?!

Упоминание о деньгах еще сильнее обидело мужчину. Он вытаращил глаза и крикнул ей в лицо:

– Какие еще деньги? Я их у тебя брал?! Ты мне их давала? Щас обязательно в шею дам! Дубиной! Главное, не давала ни хрена, а уже интересуется!

Серафима не стала настаивать, развернулась и бодренько посеменила к остановке. Вдруг правда долбанет, и все, вон она, дубина, рядышком. А деньги... Да чего там, они с Шишовым и в самом деле не много поработали.

– Ну чего, отвоевала деньги? – встретила ее Лилька ехидной усмешкой. – Что-то ты быстро, никак мужичок послал тебя по матушке... Ой, Кукуева, не выйдет из тебя кондуктора.

Лилька схватила косметичку Серафимы, посмотрелась в зеркальце, мазнула ее помадой по своим пухлым губам и довольно потянулась.

– Нет, со мной такие штучки не случаются, – сладко любовалась она сама собой. – Я ж психфак закончила, людей за версту вижу. А ты прям оплошность природы. Я тебе сколько раз говорила: на кой черт ты раскладываешь здесь все деньги? Перед тобой же живой пример – я. Учись! А то... Ой, Симка, вы и так работаете на гуманитарной поддержке, а еще и деньги все выгребли... Он тебя обматерил, да?

У Лильки уже восторженно блестели глаза, в голове мелькали на фиг не нужные советы, а в сердце плескалась волна превосходства.

– И ничего не обматерил, – надулась Кукуева, с силой отбирая косметичку. – Забежал за кусты, извинился, поблагодарил за сумочку, за корзинку то есть, выложил все деньги и пожелал мне доброго пути.

– Нет, я представляю, что пути пожелал. Только в каких выражениях? – скривилась подруга. – Вот сорок лет живу, а чтобы кто-то добровольно с деньгами расстался, не видела. А пойдем у того мужика спросим, вдруг он еще за кустами, а?

На повторную встречу Серафиму совсем не тянуло.

– С чего это ты решила, что он добровольно расстался? – пошла Кукуева на попятный. – Я разве сказала, что добровольно? Вот ты, Лилька, никогда до конца не дослушаешь, а потом тебя в кусты к мужикам тянет. Я же тебе русским языком объясняю: я дала ему поленом по

голове, он сразу согласился, что был не прав, и предложил мне деньги и крепкий мир. Во-видишь смятые десятки, это он мне отдал. А вот эта сотня за моральный ущерб.

Лилька недоверчиво покосилась на кукуевский живот, где болталась кондукторская сумка, и только пожала плечами:

– Чо, правда, что ли, поленом? Врешь ведь!

Кукуева устало воздела глаза к потолку и тяжело промычала, что можно было перевести как «А не пошла бы ты проверить свой автобус...»

Лилька недовольно сморщила носик и сменила тон.

– Сим, слышь чего... Ты мне не дашь в долг тысяч пять, а? Ну, сама ж понимаешь, мы с Федоровым стенку купили, а тут у Шишова завтра день рождения, прям не знаю, что и делать...

Серафима расстроено заморгала глазами. Не было у нее пяти тысяч, что тут скажешь!

– Лиль, а у меня нет... А что, к Шишову на день рождения обязательно?

Лилька захлебнулась негодованием:

– Ты чо, совсем? Он же нас звал! И потом, мой Федоров у него единственный друг. А я единственная подруга. Ты, я понимаю, можешь и не ходить, он нисколько не огорчится.

Серафима сглотнула. Вот черт! Значит, она может и не ходить? А она уже трусы ему в подарок купила. Модные такие боксерки. И куда их теперь? И ведь они же вместе работают, так как же ей не пойти?

– А я уже купила подарок, – проямлила она. – И как же он без подарка, без трусов-то?

– Ты, Кукуева, ваще! – тарасила глаза Лилька и громко сопела носом. – Я вот смотрю на тебя и думаю...

Что там она думает, осталось загадкой, потому что в автобус ввалились водители: Шишов и его друг Федоров – здоровенный, похожий на медведя-гризли, мужик, верный муж ветреной Лильки. Лилька тут же выскочила, а мужики плотно уселись обсуждать завтрашнее мероприятие. В частности, их волновал один вопрос: сколько пива брать на брата и считать ли женщин. Позже Федоров спохватился, стал кричать – звать жену на рабочее место, а маленький автобус Шишова – гордость Павловского завода – снова полетел по улицам города, собирая пассажиров.

Все утро освистал телефонный звонок. Красный аппарат буквально разрывался от нетерпеливого дребезжания. Сонная Серафима, путаясь в ночной рубахе, подскочила к трубке и испуганно выдохнула:

– Кто это?

– Ну, для начала беседы пожелаем друг другу доброго утра, дитя мое, – наставительно произнес мамочкин голос. – И потом, Серафима, я недовольна. Сегодня у Семы Шишова, твоего водителя, день рождения, а ты преступно хоронишь драгоценные минуты в кровати. Немедленно поднимайся и беги к Оленьке Трофимовой. Это моя бывшая ученица, она сейчас работает в парикмахерской. Я с ней договорилась, и Оля сотворит из твоего пуха на голове чудо.

– Мам, – вяло сопротивлялась Серафима, – а зачем мне на голове какие-то чудеса?

– Не спорь! – на две нотки повысила голос мамочка. – Ты должна сегодня Семочку очаровать. Семочка Шишов замечательный мальчик. Очень ответственный ребенок. Кому, как не мне, это знать. Да, он никогда не учил уроки! У него даже тетради по физике не было, но так ведь он и уроков никогда не срывал! Зато всегда выносил мусор из класса. И, между прочим, всегда протирал доску... когда его никто не просил. Не смей им пренебрегать, это твой бриллиант! Только с ним ты распустишься орхидеей! Это тебе не твой шалопай Кукуев. Сейчас же прими ванну и начинай колдовать над своей внешностью, а Семочке передай мои искренние поздравления. Кстати, ты не забыла ему купить от меня в подарок справочник для начинающего физика?

Серафима уже было задремала возле трубки, но по интонации голоса, лившегося из нее, поняла – ее о чем-то спросили.

– Да! – резво ответила она на всякий случай.

– Что «да», горе мое? Забыла? Ну так я сейчас сама сбегаю в «Букинист»!

Серафима поняла, что наговорила лишнего, что сейчас мамочка ураганом прилетит к ней на собеседование, и быстро затараторила:

– Мамочка, я, конечно же, не забыла. Я уже и бумагой блестящей обернула, и вообще...

Ой, у меня в ванной вода через край хлещет, я побегу, ладно?

– Хорошо, – милостиво позволила Сирена Романовна и напомнила: – Ночью непременно мне позвони, мы обсудим подробности вечера. И, Симочка, облей его своими чарами!

Кукуева клятвенно заверила мамочку, что обязательно чем-нибудь оболеет, и спешно отключилась. Безрадостно обозрела пыль на полу и поплелась на кухню. Пока негромко шипел чайник, она пялилась в окно и думала о матери. Вот ведь как она мамочку любит, а не получается у них взаимопонимания. Нет, маменька-то наивно полагает, что знает свою дочь, как собственные пальцы. Еще бы ей не знать, она же каждое утро звонит своему сорокапятилетнему ребенку и подробно диктует, как прожить новый день. Конечно, более глобальные решения для Серафимы она уже давно запустила в жизнь. Так, еще в восторженной ее юности, после выпускного бала, матушка уселась с дочерью за столом и сосредоточенно начала листать «Справочник для поступающих в вузы».

– Так... Политехнический, технологический... Нет, это нам не подойдет... А медицинский? Сима, ты хочешь резать лягушкам вены? Ты жаждешь поступать в медицинский институт? – вдруг остановилась она на тридцать второй странице.

– Ма-а-ам, ну там же химию надо знать, а у меня... – протянула дочь.

Сирена Романовна только замахала руками:

– Ой, не говори мамочке, что у тебя с химией! Можно подумать, она не знает! Ну, тогда, может, в пед?

Сима только втянула голову в плечи – в пед ее тоже не тянуло, она знала, насколько нелегко живется самим педагогам. А уж каково их близким...

– Тогда... нет, сельхоз тоже не пойдет, надо будет в селе работать... Архитектурный... Самое оно! А здесь нужно рисовать... Ну ничего, ничего... – с облегчением улыбнулась мамочка и торжественно заявила: – Серафима, ты будешь рисовать!

– Но... но почему?

– А почему бы и нет?! – изумленно пожала плечами мамочка, и Серафима стала рисовать.

Правда, «рисовать» – это сильно сказано, в институте ее не поняли. Хотя поступить она поступила, но на дорожный факультет, где благополучно продержалась половину первого курса, потом смертельно влюбилась в пятикурсника Кукуева и вышла за него замуж. Кукуев был выходцем из района, общежития не жаловал, а студенческую столовую считал издевательством над драгоценным желудком. И потому очень охотно полюбил Симу, переместившись к ней и ее мамочке на жительство. Новоиспеченная жена поменяла фамилию, бросила институт, лучилась бабьим счастьем и стремительно училась жарить рыбу. Мамочка смочила слезой подушку и разменяла роскошную трешку на две квартирki – чего не сделаешь для семейного счастья единственной дочурки. Однако семейное счастье обвалилось – едва Кукуев закончил институт, как тут же умчался по распределению в иной город, напрочь позабыв захватить с собой молодую супругу с жареной рыбой. Супруга проревела месяца два, потом заявила мамочка, выдернула дочь из холодной одинокой постели и сообщила:

– Я долго думала, дитя мое. Кукуев – не принц на белом коне, нет. Он и на коня-то не тянет. И этот институт с дорогами тебе не нужен. Тебя все равно уже отчислили. А денег на восстановление у нас нет...

Мамочка повертела дочь во все стороны, окинула придирчивым взглядом угловатую, нескладную фигуру дочери с острыми ключицами и хлипкими ручками-веточками и решительно заявила:

– Ты рождена для спорта!

Уже через неделю по мамочкиной протекции Кукуева Сима работала секретаршей в спортклубе и жила исключительно идеями спортивного мордобоя, то бишь бокса. Однако времена менялись – перестройки, переделки, все государственное перекупалось, а то и бесстыдно растаскивалось, менялись названия и руководство, и спортклуб тоже не миновала чаша сия. В клуб пришел новый хозяин, а вместе с ним целое стадо мускулистых, подтянутых, спортивных работников. С прежним штатом вежливо распрощались и попросили освободить рабочие места. Отчего-то с самой первой простились именно с Серафимой.

И снова растерзанную душу дочери излечила Сирена Романовна.

– Нет, дитя мое, – в очередной раз вертела она дочь перед своими очами, – скачки кулаков по физиономии – это не твой умственный предел. Ты создана повторить подвиг Макаренко. Ты и только ты должна сеять вечное и доброе в детских неокрепших душах! Тебя ждет школа!

К тому времени Сима уже научилась немножко противиться:

– Ага, детские души... А сама говорила, что в школе работать могут только камикадзе. Помнишь, как тебе Серегин на Восьмое марта подарил кинжал для харакири? А Пузырев на первое сентября притащил поллитровую банку с пчелами? А завуч под окошком млел – надо же, как детки пляшут! Не пойду в школу.

– Не спорь, дитя мое, пойдешь, – подняла бровки Сирена Романовна. – И не бойся! Я не отдам тебя на растерзание мальчишек-озорников! Ты будешь работать с робкими, прилежными девочками – учительницей труда, у нас как раз освободилось местечко.

Серафима сдалась. Быстро научилась кроить фартуки, вышивать крестиком и выдергивать нитки из салфеток, чтобы получалась необыкновенной красоты дырявая кайма. Правда, ученицы оказались не столь идеальны, как виделось мамочке, но Кукуева стойко переносила тяготы педагогического труда. Вплоть до того дня, когда прилежные и робкие девочки сперли из кабинета все три швейные машинки. С большим трудом возместив школе материальный ущерб, Серафима порвала с педагогикой.

Теперь мамочка перекинулась на частную трудовую деятельность и сунула доченьку в маршрутное такси. Серафима работала еще совсем недолго и до конца не успела разочароваться в профессии. Ее вполне устраивал график – два дня работать, два отдыхать. Она уже смирилась и с зарплатой – все же не меньше, чем в школе. Правда, вот никак не могла смириться со своим напарником Шишовым. Мечталось за рулем видеть более привлекательного представителя коварного противоположного пола. Но выбирать не приходилось, поэтому надо было налаживать хоть какие-то отношения и с этим представителем.

...Кукуева очнулась от раздумий и потянулась заваривать кофе. Сегодня как раз был первый день заслуженных выходных. Хотелось эдак побаловать себя кофе, конфетами, пирожными буше, свежим абрикосовым соком, но из перечисленного в наличии имелся только растворимый порошок, поэтому Серафима уткнулась в кружку и задумалась. На день рождения приглашали к четверем, а у нее еще ничего не придумано с платьем. Не идти же в старых джинсах!

Выход нашелся неожиданно. Мамочка еще летом отдала ей свой старенький костюм, дабы дочь на досуге перешила пуговицы (сейчас такие уже не носят), а заодно оторочила скромный воротничок норкой – ну, той, что осталась от старого пальто. И вот теперь Сима влезла в маменькин наряд и застыла перед зеркалом. Да, классические формы так и не вышли из моды, и темно голубой костюм не потерял привлекательности, однако ж размер... С талией все было в порядке – пуговицы легко сомкнулись на животе, как будто тут и росли. Но вот грудь... Красивый рельеф пиджака уныло обвисал там, где должен был аппетитно выпирать.

И юбка туда же – на талии застегнулась тика в тик, а на бедрах болталась, будто у Серафимы и вовсе все туловище на талии заканчивалось. Конечно, пришлось вытаскивать машинку и застрчивать швы. Примета из рук вон отвратительная. Ну, так раздетой идти и вовсе ничего хорошего!

Ровно в четыре часа скромно покрашенная, с щедро залитыми лаком волосами Серафима Кукуева звонила в коричневую дерматиновую дверь.

– Здравствуй... Вам кого? – появилась перед ней кривоногенькая девица лет двадцати пяти, с сорочьиными круглыми глазками.

Серафима быстро достала из кармана смятую бумажку с адресом и уткнулась в написанный адрес. Адрес был тот, и Кукуева принялась приветливо пояснять:

– А мне это... мне к Шишову. Он здесь проживает? Шишов Семен Николаевич. Ну, такой еще маленький, черненький, на мартышечку похож. Здесь?

– А чо эт на мартышечку? – обиделась девица. – Он на бабушку Таню похож, так все говорили. Вам его позвать, что ль?

Серафима крякнула и прошуршала спрятым далеко за спиной подарочным пакетом с трусами. Пока она раздумывала – попросить девицу позвать Семена Николаевича или уже ей подарок передать, к дверям подлетел сам Шишов и накинулся на девчонку:

– Ирка! Язви ты! Чего гостей-то не проводишь?!

– А чо, уже уходят? – вытаращилась та.

Шишов звонко щелкнул девицу по загривку и затарахтел:

– Кто уходит? Они только что пришли! Я грю: чего вот этих гостей не проводишь? За стол чего не проводишь вот этих самих гостей? – он ткнул пальцем прямо в хлипкую кукуевскую грудь.

Серафима дернула плечами – жест был явно лишним. Она сегодня немного схитрила: дабы костюмчик ладно сидел, некоторые места она щедро обложила ватой, и вот теперь Шишов тыкал своими пальцами прямо... прямо в заменитель силикона!

– Симка! А ты чо стоишь, засохла, что ль? – привычно гаркнул Сеня на кондукторшу, но тут же вспомнил, что она – долгожданный гость, и любезно расшаркался. – Проходи, Симочка, язви ты, все уже в сборе. А это дочка моя – Ирка, младшенькая. Ирка! Проводи гостью!

Ирина догадалась широко улыбнуться и даже распластаться на кривеньких ногах в кник-сене. Однако пригласить гостью войти снова позабыла. Серафима плюнула на все приличия и смело шагнула в прихожую.

– Сим, а ты чего это подарок-то за спиной прячешь? Давай мне, я подержу, – не слишком церемонился Шишов, выудил из рук напарницы пакет и подтолкнул в комнату. Затем громко возвестил: – А вот и наша Серафима! Встречаем, встречаем... Федоров, хорош без меня пиво-то дуть! Гостью, говорю, встречаем!

Он говорил так торжественно, будто предпенсионный конференсье в концертном зале, полном народа, однако ж за столом восседала только чета Федоровых. Лилька сверкала голыми молочными плечами, а Иван не переставая прикладывался к бутылке.

– Ой! Симка! – по-детски запрыгала на стуле Лилька. – А мы тебя ждем, ждем! Ну, чего ты имениннику подарила? Вань, прекрати жрать! Не слышишь, что я говорю: Сим, чего ты Сене подарила? Ты тоже интересуйся!

Ваня отупело уставился на жену, потом отставил бутылку, обстоятельно вытер губы полотенцем и забасил:

– Сим, чего ты там принесла? Интересуюсь.

– Так это... подарок она... – смущенно мялся Шишов и терзал блестящую упаковку.

– Нет-нет! – захлопала в ладошки Лилька. – Сеня, погоди открывать! Давай отгадывать! Это одеколон?

Серафима перекосилась. Ей вовсе не хотелось, чтобы кто-то тут ее подарок отгадывал. Вот ведь эта Лилька!

– А может, это... это одежда? – снова пыталась та.

Кукуева обреченно мотнула головой. У Шишова радостно заблестели глаза.

– Примерить! Примерить! – завопила Лилька. – Вань, хорош жрать, говорю! Я тут кричу – примерить! Реагируй!

– Примерить! – послушно рявкнул Федоров.

Шишов смущенно зарделся, опустил глазки и обещающе задергал бровями.

– Ну... если только... я в другой комнате, ага?

И унесся, прихватив пакет. Он всерьез решил, что нескладная Серафима оказалась женщиной тонкого понимания и одарила его новой рубашкой. И вот сейчас он наконец сможет блеснуть обновками – Федоровы-то подарили только длинный и тощий, как крысячий хвост, галстук. Но уже через минуту он высунулся из комнаты с испуганным, перекошенным лицом:

– Там это... трусы... Чего, их тоже мерить?

Лилька радостно прыснула в ладошки, у доченьки Ирины самопроизвольно уронила челюсть, а Иван Федоров, который собирался втихомолку осушить еще одну рюмочку, хрюкнул боровом и поперхнулся.

– Да! – рявкнула Сима, не вынеся больше издевательств над своим презентом. – А что я ему должна была подарить, колготки, что ли? А тут трусики – модно и стильно. И, между прочим, Лилечка, красиво. Не то что ваш замызганный ошейник!

– Друзья, друзья! А давайте выпьем! – торопливо затрещал Шишов, гася зарождающийся конфликт. – Попробуйте-ка вот салатик... Ирка, язви ты! Это я гостям говорю – попробуйте! Лиля, пробуй, его моя старшая, Татьяна, делала. Я, пока вас не было, ложку облизал на десять рядов!

Лилька уже было потянулась к салату, но при упоминании об облизанной ложке резко отдернула руку.

– А где сама Татьяна? – фальшиво заулыбалась она и прилипла губами к стакану.

– Да она, – отмахнулся Шишов, – к подружке побежала. У той какие-то семейные неприятности... Я предлагаю тост за моих гостей! Пусть у них все будет хорошо!

– Она к Алисе Гавриловне пошла, – вдруг сообщила Ирина. – У нее муж умер.

Присутствующие, как и полагается, на секунду затуманились, а потом Лилька резво подняла свой фужер:

– Сенечка! Налей мне вина, я хочу выпить за тебя!

– Его на вашей конечной кокнули, – упрямо гнула свое доченька именинника.

Гости затуманились вторично. После минуты молчания хозяин снова попытался спасти праздник, татараторил:

– Лилечка, давай я тебе налью водки, а? Мы напьемся и будем шалить. Как думаешь, твой Федоров взревнует? Федоров! Взревнуешь, а?

– Его поленом пришибли! – повысила голос Ирина, явно не желая уходить на второй план. – Мне Таня рассказывала – вот так прямо по голове, по голове... и поленом, поленом!

Гости враждебно уставились на девчонку, а та, оказавшись наконец в центре всеобщего внимания, уже расписывала подробности:

– Его еще вчера грохнули-то, ага. Я ж говорю: прямо на вашей конечной. И ведь что интересно: жена его ждет домой, Алиса-то эта, а он, значит, там под кустом. Убитый уже. И, главное, ничего не тронули! У него корзина с собой была, полная водки, так даже бутылки никто не взял. А зачем тогда бревном?

– Ирка, язви ты! Ты замолчишь или нам так и сидеть с рюмками на весу? – взвился отец.

Однако Лиля его не поддержала. Она многозначительно посмотрела на притихшую Серафиму и промяукала:

– Не-е-ет, Сеня. Ты девочке рот не затыка-а-ай. На-а-адо же, какое несчастье у подружки вашей случилось...

– Да никакая она не подруга, – расстроено махнул рукой Шишов, – а начальница Татьяны. Она у них аптеку держит, а Таня там работает. А ее муж, хозяйкин, стало быть, того, под кустом убился... Прямо и не знаю, что сказать... Ну, давайте хоть за упокой выпьем, что ли...

Мужчины моментально перекроили лица согласно регламенту – стали печальные и безутешные – и метнули водку в широко раскрытые рты. Дальше пошло легче. Шишов сообразил, что за помин пить удобнее – не надо никого веселить, придумывать тосты, а подарки ему все равно уже подарили, и они с Федоровым продолжали скорбеть, без слов опрокидывая рюмку за рюмкой.

– Ира... – подседа к девочке Лилька. – А где живет эта... как ее... Алиса?

– Алиса Гавриловна? – переспросила Ира и огорченно заскребла голову. – Ой, а я не знаю. Таня только сказала, что к начальнице пошла... А вы вечером позвоните. Таня придет, и я у нее спрошу. А вам что, сильно надо?

Лилька снова стрельнула глазами в сторону Серафимы и горько подперла щечку кулачком:

– А как ты думаешь, Ира? Где-то, Ира, погиб человек. Его какая-то сволочь пришибла поленом, а мы, Ирочка, даже не знаем подробностей...

Ирина немедленно прониклась и закивала головой:

– Ага. Я тогда сама вам позвоню, ладно? Вот как только Таня домой вернется, так я сразу вам и позвоню, ага?

– Да ты не волнуйся, – тяжело вздохнула Лилька и по-матерински потрепала девочку по голове. – Может, мы к тому времени, когда Татьяна придет, еще и сами здесь будем. Кстати! Семафора, а ты не хочешь в подъезд выйти, покурить?

Серафима, которая в жизни не курила и терпеть не могла, когда ее кликали Семафорой, никуда с Лилькой идти не хотела. Но та так подозрительно мигала обоими глазами, что выйти стоило. Тем более что мужички уже и вовсе опрокидывали рюмки безостановочно.

– Ну, и что? – вперились в нее Лилька, когда пристроилась с сигаретой возле мусоропровода. – Что ты собираешься делать?

Сима сморщилась от дыма и махнула рукой. На кой черт она вообще притащилась на этот день рождения? Еще и деньги за подарок отдала. А все мамочка: «Сенечка такой замечательный! Доску мыл!»

– Чего делать? Домой, наверное, пойду. Чего тут сидеть-то? – отмахнулась Сима от сигаретного дыма.

– Ты совсем, что ли?! – выпучила накрашенные глазищи Лилька. – Мужика завалила – и домой она пойдет... Я тебе ваще удивляюсь! Это ж надо иметь такие нервы! Я б уж давно от страха пузырями пошла!

Серафима скучно мотала головой, и только через минуты две до нее дошло:

– Как-кого муж-жика завалила? Кто? Кого ты имеешь в виду?

Лилька насторожилась.

– А у тебя их что – несколько? – наконец проговорила она и восхищенно выдохнула. – Ну ты... танк!

– Да кого их-то?! – потеряла терпение Сима. – Ты вообще о чем спрашиваешь-то?

Лилька снова подозрительно сощурилась и недоверчиво покачала головой:

– Чего-то ты, подружка, крутишь... Надо же – не понимает она! Сама ж говорила вчера: мужика того пьяного по голове поленом приложила, он и отдал всю выручку. Нет, я-то сначала думала – врешь. А теперь оказывается, что ты у нас честная. Сказала, что дубиной по башке, значит, так и сделала. Ой, Симка, я тебе где-то даже завидую, я бы на такое не отважилась.

У Симы от смеха затрясся подбородок.

– Ты чего, того, да? – она выразительно покрутила у виска. – Как бы я его по голове? Да я еле от него ноги унесла! Он же сумасшедший был. Сказал, что и справку имеет. Еще так серьезно меня пнуть собирался. Нет, ну ты даешь, Лилька... Как чего выдумашь...

– Не-а, – скривилась Лилька. – Я ничего не выдумываю. А вот ты... Не рассчитала, что мужичок знакомым знакомых окажется, да?

Сима теперь напугалась всерьез. Лилька упрямо не желала ей верить. И если этот бедолага, который муж Алисы, на самом деле тот пьяный, за которым она гналась...

– Лиля, а с чего ты взяла, что Алисин муж и есть тот алкоголик? – решила она подойти с другой стороны. – Ты же слышала: Алиса Гавриловна – хозяйка аптеки, значит, дама состоятельная, не нищая какая-нибудь. Значит, и муж у нее соответственный. А тот... Ну, вспомни – пропойца какой-то! Да муж Алисы и на автобус-то в жизни не сядет! На каком-нибудь джипе разъезжает. То есть разъезжал. Не он это, точно тебе говорю.

– Да? А корзинка? – скривила голову набок и даже присела Лилька. – Что, у нас каждый второй вместо пакета корзину с бутылками носит?

– Но... но... А между прочим, Ирина сказала, что у того была целая корзина водки, а у нашего их было только две! – нашлась Кукуева.

– Короче! – рубанула ладошкой воздух Лилька. – Узнаем у Татьяны адрес покойника и завтра вместе идем провожать его в последний путь. Если это не тот, значит, все, я извиняюсь. А если тот...

– Тогда что? – перестала дышать Сима.

– Тогда? – удивилась Лилька. – Тогда, значит, это ты его завалила, и все.

Серафима даже немного успокоилась. И в самом деле – чего ей бояться, уж она-то точно знает, что никого по башке поленом не тревожила. Вот кто убил бедолагу, тот пусть и трясется.

– Ну что, пойдем за стол? – загасила сигарету Лилька и зябко дернула плечами. Платьишко с огромным декольте не грело совершенно.

– Ага, а то мужики там без нас уже спились, наверное.

Мужчинам спиться не удалось: возле стола уже порхала большая, красивая молодая женщина, меняла приборы и готовила место под горячее.

– Ирочка! – крикнула она на кухню. – Тащи курицу! Пап, уברי-ка локти. Нет-нет, рюмочку потом, под горячее, а то ты чего-то неважно выглядишь... Ой здрасте! А вы Серафима и Лиля, да? Меня Татьяной звать. Вот, понимаете, пришлось оставить папу, и пожалуйста – горячее не выставлено, дамы покинули стол, гость чуть не спит. Сейчас я быстренько...

Старшая дочка именинника была просто загляденье – крупная, с красивым большеглазым лицом, с веселыми ямочками. Она ничуть не походила на своего батюшку и младшую сестрицу. Те оба как-то поразительно напоминали братьев наших меньших – приматов, а эта была просто русская красавица. Татьяна крутилась юлой, и все у нее в руках кипело-горело.

– Ой, да не торопитесь вы так, – успокоила ее Лилька. – А где вы были, если не секрет? Мы вот смотрим, смотрим – младшая дочка за столом, а старшей нет. Думаем, и куда ж она от родного батюшки подевалась?

– К сотруднице ходила, – просто пояснила Татьяна. – У нее такое горе... Надо было спросить, чем помочь, когда прийти, работниц наших обезать...

– Ай-ай-ай! – зацокала языком Лилька. – И какое ж у нее горе? Наверное, мужа убили, да? Наверное, на конечной остановке, да? Вот так прямо бревном по голове, да?

– Ну да. А вы что, уже слышали? – обернулась Татьяна.

– Ага, сейчас об этом многие говорят, – обозначила себя Сима.

Татьяна ненадолго отвлеклась от стола и вздохнула:

– Не старый еще мужчина. И кому помешал? Завтра хоронить будут... А жене-то какое горе, никому такого не пожелаю. Сынишка остался...

– А откуда хоронить будут? – напряглась Лилька.

– Из дома.

– Девушки! К с-столу! П-прашу! За з-здоровье... мое! – с трудом поднялся Шишов и, выхлебав рюмочку, с грохотом опустился мимо стула.

Татьяна кинулась папеньку поднимать, водрузила его на диван, подсунула под голову подушку и виновато улыбнулась:

– Вы уж извините нас, придется посидеть без именинника... А вы наливайте, наливайте!

– Нет, отчего ж... без именинника... – прозрел Иван Федоров. – М-мы всегда с ним!

И после этого увалился на диванчик рядом с хозяином, изрядно подмяв тушку последнего.

– Ой, вы... вы бы подальше ложились, а то папа чего-то хрипеть начал, – забеспокоилась Татьяна, но Лилька ее дернула от мужиков и затрещала:

– Да оставь ты их, чего с ними делается? Слушай, Татьяна, а где проживает этот несчастный, которого хоронить собираются?

Татьяна пожала плечами:

– У меня записан адрес... А вам зачем?

Лилька возмущенно захлопала себя по бокам, точно несущка крыльями:

– Нет, я вам, Шишовым, просто удивляюсь! То Ирина ваша спрашивает – зачем, то ты теперь! Да разве ж можно человека в последний путь не проводить? Тем более когда погиб он прямо на нашей конечной. Может, он на нашем маршруте ездил? Должны мы ему от коллектива маршрутников веночек принести или нет? Кстати, Сим, завтра с тебя веночек!

Сима и вовсе старалась в этом разговоре участия не принимать – как-то не хотелось себя травмировать раньше времени. Однако напоминание про веночек ей и вовсе не понравилось. Чего это она одна за всех маршрутников отдуваться станет?

– Нет, я конечно, куплю... – промычала она и тут же бойко добавила: – Завтра по полтиннику с человека скинемся. С вас, Федоровых, за двоих сотня. Сейчас сдавай, Лиль! А то где я тебя завтра ловить стану!

От такой наглости у Лильки зачесалось декольте на спине. Она выгнулась гусыней, властью поскребла хребет и только потом возмутилась:

– А мы-то с чего сдавать будем?

– Здрасьте! А может, он на вашем маршруте ездил? Должны вы с Федоровым ему веночек принести? – сузила глаза Кукуева.

Лилька сопела минуты три, но потом ловко вывернулась.

– Ладно, сдам. Только завтра. Сейчас все карманы пустые, прям неудобно.

– Ой, да какая разница, когда вы сдадите, – замахала руками Татьяна и побежала в другую комнату за записной книжкой, где у нее был адрес начальницы.

Лилька тут же подскочила к Серафиме и зашипела:

– Ты чего, совсем того? А вдруг его ты убила, а нам деньги на веночек сдавать, да?

– А вдруг не я? – так же шепотом возмутилась та. – Чего я за всех отдуваться должна?

В комнату уже вбегала Татьяна.

– Вот, записывайте: Гагарина, двадцать четыре, квартира сто семь. Алиса Гавриловна Костеренко. А муж у нее... как же его... А, Анатолий Викторович.

И Лилька, и Сима дружно заскребли карандашами, которые им предусмотрительно принесла Татьяна.

– Не, а давайте уже есть, а? – появилась в дверях Ирина с золотистой курицей на блюде в руках. – Я уже ее пальцем поковыряла. Горячая – с ума сойти, но зато готовая.

Лилька рванула было за стол, но посмотрела на палец девицы и шумно вздохнула:

– Извините, уже не могу. Я, пожалуй, домой.

– И я тоже! – тут же засобиралась Сима.

– Ну чего ж вы? Так ничего и не поели, – расстроилась Татьяна. – Целая курица осталась. А еще торт, конфеты...

Лилька затрясла головой:

– Нет-нет-нет, какой торт! Это же целлюлитная бомба! Жировая атака! Лишние тонны граммов! Нет, мы лучше пойдем. Собирайся, Сим!

Кукуева собралась на счет раз, ей еще пришлось ждать, пока Лилька втиснет в узенькие сапожки свои округлые, толстые ноги.

– Пойдите! – всполошилась Татьяна. – А... Федоров? Вы его что, не заберете?

– А, – отмахнулась Лилька. – Оставьте у себя, он мне сегодня уже не понадобится, куда я с ним, с таким пьяным? Сим, ты готова? Танечка, Ирочка, спасибо, все было очень вкусно!

И дамы выскочили за порог.

– Так, значит, я завтра за тобой захожу... – бойко диктовала Лилька и вдруг затормозила. – А во сколько же, интересно, его выносят?

Не успела Сима моргнуть, а она уже рванула обратно в подъезд. Кукуева стояла посреди улицы и не знала, что ей делать, – плестись домой или дожидаться взбалмошную подругу. И чего ту так потянуло на похороны?

– Узнала! – радостно сообщила Лилька через минуту, пыхтя паровозом. – Завтра в два. Значит, я в десять к тебе забегу, да?

Серафима по инерции мотнула головой – да, мол, непременно в десять. А потом наконец догадалась спросить:

– Лиля, а чего тебя так тянет-то к этому покойнику?

– Нет, ну ты совсе-е-ем! – вытянулось лицо у Лильки. – Почему к покойнику-то тянет? Меня ты интересуешь!

Сима вытянулась в струнку и осторожно покосилась на подругу:

– А чего это вдруг сразу я?

– Ну а как же? Я же тебе говорила, что увлекаюсь психологией. Говорила?

– Нет, ты говорила, что психфак закончила.

– Да как я его закончу, если я его не начинала? Я просто... пока... интересуюсь... психологией! – чуть ли не по слогам объясняла Лилька Федорова Кукуевой. – А ты для меня очень интересна! Ведь ты только подумай – если это тот мужик окажется, значит, ты его собственноручно прихлопнула бревном. Но... А если ты, то почему не волнуешься? По всем законам живого организма ты должна трястись, бледнеть, в обмороки сыпаться, а тебе все по фигу!

– Ну так правильно! Потому что никого не убивала, – еще раз напомнила Сима.

Лилька сильно огорчилась. Она схватила подругу под руку, наклонилась к ее плечу и принялась напевно объяснять:

– Нет, Серафима, убила ты, все правильно. Ты прибежала ко мне после той погони и в состоянии нервного возбуждения раскрыла страшную тайну, что, дескать, только что прикончила пьяного мужчину. А потом...

– Да не говорила я, что прикончила! Ты зачем ерунду городишь?! – обозлилась Кукуева.

Она вытянула свою руку из цепкой Лилькиной хватки, оттолкнула ту от своего плеча, отряхнулась, как мокрая собака, и стала шумно возмущаться, размахивая руками.

– Я только сказала, что шибанула его по голове. И то это была неправда. Он сам на меня накинулся и принялся ногой угрожать. А потом еще и про справку сказал, что, мол, сумасшедший и ему все можно. Ну и как, могла я на него кинуться?

Лилька нисколько не обиделась, что ее оттолкнули. Она снова прилепилась к Кукуевой, теперь уже с другой стороны, на секундочку нахмурила лобик и уверенно кивнула:

– Могла! Правильно, Сима! Все так и было – он тебе пригрозил, ты испугалась, а деньги он не отдавал, тогда ты спокойно взяла дубину...

– Я не брала! И вообще, вот уже мой дом, пришли мы. Спасибо, что проводила. Пока.

Кукуева снова выдернула руку и торопливо направилась в подъезд.

– Пока, Симочка! – на прощанье крикнула Лилька. – Я завтра за тобой забегу в десять! Не проспи!

Серафима поднялась к себе в совершенно отвратительном настроении. Нет, ну надо же – угрожать такие деньги на подарок, а в ответ получить убитый вечер! Лилька эта... А сам Шишов каков! Напился, уснул и бросил напарницу на растерзание Федоровой. Нет, послезавтра она обязательно ему все выскажет.

Пока Кукуева придумывала, что бы такое приврать, чтобы Шишову было невыносимо стыдно, в комнате затрещал телефон.

– Дитя мое, это мамочка! – услышала она в трубке бодрый голос Сирены Романовны. – Я вся дрожу от нетерпения. Немедленно рассказывай – ты околдовала Сеню своими чарами? Ты показала свои лучшие качества? Ты подчеркнула сегодня свою талию?

– Мамочка... – устало выдохнула Серафима. – Сколько раз говорить? Я не могу свою талию подчеркнуть, она у меня везде – и на линии талии, и на линии груди, и на линии бедер!

– Тогда надо было подчеркнуть жирной чертой! – не согласилась Сирена Романовна. – Ну да ладно, скажи, как Семен? Ему понравился мой справочник?

Кукуева минуту вспоминала, какой справочник должен был понравиться пьяному в дрова Шишову, но так и не вспомнила. Однако на всякий случай торжественно заверила:

– Мамочка, справочник – супер! Он ему понравился... я думаю... Да, он понравился.

– Я рада, – довольно прошелестела на другом конце провода мамочка и все же не угомонилась. – Я рада, что понравился мой справочник, а моя дочь?

– Я, мамочка, тоже рада, что ему понравилось, – тупо повторила Серафима.

– Сима, не юли! Семену понравилась моя дочь?

Все, что принадлежало Сирене Романовне, должно было нравиться всем. Поэтому Серафима не стала огорчать маму.

– Да, мамочка. Я ему понравилась еще больше справочника, – бесстыдно врал Кукуева. – Он, мамочка, у меня даже автограф попросил, но об остальном я расскажу тебе завтра, сегодня уже сил нет, я спать пойду.

Матушка покорно вздохнула, но тут же ее осенило:

– Хорошо, сейчас иди спать. А завтра я сама к тебе приду, и ты мне покажешь, как именно он на тебя смотрел! Потренируйся иди.

Серафима бухнула трубку на рычаг и почти без сил плюхнулась в кровать.

Наутро, ровно в десять, в дверь забарабанили с такой силой, что Кукуева не на шутку струхнула – вчера она выставила на балкон ведро картошки, так, может, этот самый балкон обвалился от тяжести? И придавил кого-то?

Кукуева ракетой взлетела с кровати и кинулась к окну – балкон был на месте. Зато дверь грозилась вот-вот сорваться с петель.

В дверь ломилась Лилька. Несмотря на утро, у нее уже было свежесмыслено лицо, глаза подведены на индийский манер, а губы накрашены так сильно, что казалось, будто помада с них капает.

– Нет, ну она еще не одета! – воздела в огорчении глаза к небу Лилька Федорова. – Симка! Ты чего, думаешь, покойник нас дожидаться станет, что ли? Одевайся давай, тебе пять минут!

Вот не хотелось Симе никуда идти, хоть режь! Хотелось себя все утро лелеять и баловать – валяться на кровати и пялиться в телевизор.

– Лилька, я не могу сегодня, – горько сообщила Серафима. – Ко мне мамочка прийти должна. И еще... еще я себя дурно чувствую, да!

Лилька прищурила глаза, собрала губки в пучок и прошипела:

– Если сейчас же не оденешься, будешь чувствовать себя еще хуже. Я тогда скажу Шишову, чтобы он тебе опохмелиться притащил. Одевайся!

Серафима подпрыгнула и, строптиво дернув головой, понеслась одеваться. Нет, от этой Федоровой так просто не отвяжешься. Лучше быстренько сбежать, узнать, кого там хоронят, и домой. А на обратной дороге она и в магазин заскочит, надо деньги прихватить...

До улицы Гагарина они добрались быстро. Они добрались бы еще быстрее, если бы не Лилька. Оказавшись на территории родственного предприятия, то есть в гуще маршрутки, Федорова развернула бурную деятельность:

– Граждане! Быстренько обилечиваемся! Не жмемся, не жмемся! Девушка, хватит стрелять на мужчину глазами, у него кольцо на руке, а вы еще за проезд не заплатили! Молодой человек, заткните свою трещалку, это вам не переговорный пункт! В автобусе, как в театре, все должны сидеть смирно и слушать кондуктора! А сейчас по вашим многочисленным заявкам прослушаем песню «Уси-пуси, я во вкусе!»

И Лилька взвыла. Кондуктор – многотелесная матрона – уже быком смотрела на яркую, визгливую Лильку, потом не выдержала и рявкнула:

– Кто-нибудь! Бросьте ей копейку, у нее, наверное, на билет не хватает, ишь как выводит!

Лилька от такого оскорбления как-то по-мужицки гыкнула, захлопнула рот, и в ней пробудился кондуктор.

– А вот мы сейчас проверим, у кого тут денег не хватает! А мы сейчас узнаем, не нарушаете ли вы правила езды!

Серафима видела, что Лильке уже пора притихнуть. Давно пора. Но ту уже понесло. Привычно расталкивая пассажиров локтями, она узрела невинную жертву и бодро направлялась к ней.

Жертва – молоденькая девица – лопотала по сотовому телефону и грозы не ожидала.

– Мам, я сейчас в институте... да-да, на лекции... по геодезии...

– Девушка! А вы расплатились? – нависла над ней Лилька.

– Ой, нет, мам, это не автобус. А что тебя настораживает? А, это наша деканша, старуха вредная, спрашивает, расплатилась ли я за последний экзамен. Мам, ну ты же знаешь, как с нас дерут! Это...

Из всего ее словесного салата Лилькахватила только одно.

– Это кто тут старуха?!

– Лилька, ну чего тебе спокойно не едетя? – раздраженно дергала подружку Серафима, но та только отшвыривала дружескую руку и индюком напрыгивала на обидчицу.

– Кто, я тебя спрашиваю, старуха вредная? Ну-ка извинись... перед деканшей! – накинулась она на девчонку. Но видя, что та так и продолжает щебетать в телефончик, решила наказать нахалку по-другому.

Лилька сунулась к самому уху девицы и полезла к телефону:

– Тетенька! Мамаша! Ваша дочка и не в институте вовсе! Она в автобусе! И за проезд не платит! Срочно примите меры!

Девица вовремя отключила аппарат и теперь, отшатнувшись, смотрела на странную пассажирку выпученными глазами.

– Женщина, да что вы на мне повисли-то? – взбрыкнула она, и Лилька отлетела к другому сиденью. – Прямо лезет и лезет! Сама-то заплатила? Товарищ кондуктор! Здесь вот непонятная тетка какая-то, то ослом орет, то деньги просит за проезд, она у вас выручку перехватывает!

Кондуктор молчком, грозно поднялась со своего крохотного креслица и стала тучей надвигаться на Лильку. Серафима равнодушно уставилась в окно, будто эта скандалистка вовсе и не с ней проезжает, и знать она ее не знает, и вообще она, Серафима Кукуева, совершенно посторонняя на этом празднике перевозок.

– Ну-ка, куколка, покажи свой билетик! – ухватила здоровенная кондукторша Лильку за шиворот.

Лилька лукаво сощурила глаза и принялась подмигивать тетке сразу обоими глазами:

– Вы не волнуйтесь, я тоже кондуктор. Я своя, своя! Я вам помогаю просто, я ж понимаю...

– Билетик!

– Ой, ну прямо билетик ей! Да покажу я вам свой билетик... – барахталась в руках кондукторши Федорова. – Да я еще и купить не успела! Я ж прямо к вам за ним и направлялась! Я ведь такая же, как и вы, сотрудница...

Кондукторша, не выпуская из могучих лап несчастную Лильку, зычно рявкнула:

– Юра!!! Останови, я тут одну сотрудницу выкину!

Серафима не выдержала:

– Вот вам деньги, чего вы вцепились-то?! Говорят же вам – мы тоже кондуктора, только на другом маршруте, помочь хотели...

Тучная тетка выпустила из рук несчастную Лильку и молчком направилась на свое место. Лилька же отряхнулась, поправила шапочку и вдруг с новой силой возопила:

– Граждане! Кто еще не передал на билетик?!

Этого тетка уже не вытерпела.

– Юра! – еще раз зычно проревела она, и обе подруги оказались на улице.

На улице Серафима взорвалась:

– Лилька, чего ты лезешь все время? Прямо выпендривается и выпендривается... Самая умная, что ли? Берет сковородой нацепила – и самая красивая, да? Нам теперь до Гагарина топать и топать! И вообще... Самой пора машину водить. Было бы у меня авто, я бы обязательно научилась.

Лилька вытаращила глаза, покрутила наманикюренным пальцем возле лба и возмутилась:

– Совсем, да? Чтобы меня какой-нибудь идиот сбил, да? Чтобы вот прямо так, в лепешку, да? Чтобы меня уже совсем не было? Фигушки! Я вот как посмотрю, как мой Федоров за автомобилями охотится, так и все желание за руль сесть отпадает. До сих пор удивляюсь, как он еще никого не догнал? А меня, как пить дать, поймает. Боюсь я этих машин страшно, ни за что за руль не сяду, хоть меня под поезд кидай!

– Ну все, не читай мне мораль на морозе, лови такси и вези меня на Гагарина!

Лилька даже не сопротивлялась. Она покорно подняла руку, и возле них остановилась потрепанная годами «Волга». Через минут десять она уже тормозила возле нужного дома.

– Пятьдесят рублей с вас, – развернулся к дамам водитель.

– Женщина расплатится, – очаровательно улыбнулась ему Лилька, выпорхнула из салона и устремилась к подъезду.

Кукуева в презрительном гневе замерла на мгновение, но расплатиться все же пришлось – водитель ждал. У Серафимы мелькнула мысль – оставить бы сейчас беспутную подругу одну, пусть сама скорбит возле гроба, а самой развернуться и на этом же такси... Но у Серафимы где-то в животе начинало подсасывать от волнения: ей и самой хотелось убедиться, что погибший вовсе не тот, с корзиной, мужик, за которым она гонялась.

– Тебя прям за смертью посылать! Чего так долго? – накинулась на нее Лилька, когда Серафима подошла к подъезду.

– Лилька, ты дрянь! – не глядя на нее, процедила Кукуева.

– Ха! Посмотрим сейчас, кто ты... – фыркнула Лилька и подтолкнула подругу к черной железной двери.

Серафиме уже изрядно надоели Лилькины намеки. Она готова была прямо у гроба взять и рявкнуть: «Ну что, психолог хренов, убедилась, что я тут ни при чем?! Не тот покойни-

чек-то!» Поэтому, приглушив страх, она быстро протолкалась сквозь толпу родственников и подошла к самому изголовью гроба. Она даже схватила Лильку за руку, чтобы та сама смогла убедиться. Однако, взглянув на бедолагу, Серафима похолодела – покойник был тот. То есть она сразу узнала того вредного, неприятного типа, который тогда, у кустов, брызгал ей слюной в лицо и орал: «Щас как дам в шею! Мне все можно!»

Сейчас он выглядел достойно – дорогой костюм, белоснежная рубашка и серьезное, мудрое выражение лица. Возле гроба в глубокой, неподдельной скорби сидела приятная женщина во всем черном, а рядом с ней испуганный парень лет двадцати. И еще высокая худая старуха, будто каменное изваяние. Кто-то тоненько завыл, и Серафиму покачнуло.

– Так что, Симка, – толкала ее под руку Лилька и шипела в самое ухо, – тот или нет? Я чего-то никак не припомню... Тот вроде толще был, и пьяный, а этот...

– Тот, – мотнула головой Серафима и торопливо отошла от гроба.

Лилька бежала следом.

– Симка, пойдем на лестничную клетку, покурим.

Серафима мотнула головой, и они поднялись на этаж выше. Здесь уже курили мужчины и какая-то женщина, весьма развязного вида, которая пускала колечки вонючего дыма в лицо курящим и трещала без умолку:

– Нет, главное, я еще как чуяла! Тут в последний раз-то когда увидела, что он идет, а я из своего ящика почту вынимала, и вот так на него глянула... Вот так вот, слышь, глянула! И как кто груди сдавил... Он такой несчастный, гру-у-устный идет, Толик-то. А я на его смотрю, и вот прям в грудях у меня как кто-то жмет! – вещала дама, инсценируя каждое слово. – А я еще ему говорю: «Толик, а долг-то тебе когда отдать?» Я по-соседски у них деньги занимала... А он, слышь, вот так на меня взглянул и говорит: «Не надо ничего отдавать, оставь себе!» Нет, ты представляешь? Я сразу поняла – не жилец! Вот хоть ты меня здесь директором ставь, сразу себе сказала – не жилец!

Мужчины мудро молчали. Соседка же продолжала еще вдохновеннее:

– И ведь что получается? Выходит, его такая последняя воля была, чтоб, значит, я деньги-то не отдавала. Я прям и не знаю теперь, так неудобно как-то... Волю покойного никак нарушать нельзя. Все о людях он болел, все о людях... Ну чего ж, придется мне те деньги себе оставить, хоть и неудобно...

– М-да... Анатолий Викторович неплохой был мужчина... – выдавил из себя лысоватый толстячок и глубоко затянулся.

Мужчина же с буйными кудрями, наоборот, сигарету затушил, взглянул на соседку и произнес:

– А с деньгами, я думаю, все-таки надо...

– И ведь за что убили-то? – как-то вовремя перебила его соседка. – Ничего ж не взяли! Главное – даже корзиночку не тронули! А в корзиночке и тебе водка, и лопатка свиная копченая... И ничего не взяли! Надо ж, какой бандит пошел брезгливый, ты посмотри! Человека поленом по голове долбануть не побрезговал, а на продукты питания наплевал. Даже часы не снял!

– А деньги? Денег случайно при нем не обнаружили? – аккуратненько вклинилась Серафима.

Соседка уже открыла рот для новой тирады, но потом пристально взгляделась в подруг и недобро спросила:

– А вы вообще-то кто такие Толику приходиться? Чего-то я не видела вас здесь раньше... Вы из родственников?

Серафима перекривилась и высокомерно произнесла:

– Мы с его работы, девушка. Коллеги. С чего бы вы нас видели?

Теперь на Симу с Лилькой устали мужчины. Скорее всего они-то и были коллеги по работе с покойным.

– А... простите... отчего я вас не помню? – прицепился толстенький мужичок. – Девушки, может, вы что-то путаете...

– Мы ничего не путаем! – дернулась Серафима. – Мы просто из конкурентного предприятия. Наш начальник сам, конечно, не пошел, но нас прислал. Сказал – сходите, мол, он мне много крови попортил, но помянуть человека надо, чай, не собака. И чего непонятного, я не знаю!

Сообразив, что дальше может быть сложнее, Серафима рванула Лильку за рукав и обиженно бросила курильщикам:

– Не ожидали? Так и передадим! Вот если кто у вас еще скончается, от нашего предприятия к вам никто не наведается!

И потащила Лильку вниз по лестнице, подальше от ошарашенной публики.

Лилька Федорова не успевала. Она еле тащилась за Серафимой на своих тонюсеньких, высоченных каблуках, которые неизвестно для какой радости сегодня нацепила, и теперь от быстрой ходьбы ноги ее просто подламывались.

– Куда ты меня прешь-то? – наконец ослом уперлась она, когда Сима оттащила ее почти к самой остановке. – Опять в автобус?

– А ты хотела, чтобы я снова за тебя в такси платила?! – рыкнула на нее Кукуева.

Лилька демонстративно дернулась, потом как-то вмиг обмякла и быстро согласилась:

– Ладно. Вот тебе сотня. Давай лови такси и вези к себе домой.

– Кого к себе, тебя, что ли? – не поняла Серафима. – А зачем? Мы что, у меня поминки устроим?

Лилька замаялась. И вообще вела она себя прескверно – то хитро шурилась, то вмиг становилась покладистой, то взрывалась и дергала руками. «Как ее проняло-то, – сочувственно подумала Серафима. – Задумалась баба о бренности бытия. Жалеет теперь небось, что вчера мне не помогала этого покойника из автобуса выкидывать...»

Все оказалось не совсем так. Едва они вошли в квартиру, как Лилька преобразилась. Она бабочкой влетела на кухню, беспардонно залезла в холодильник и вытащила на стол кусок колбасы и брикетик сливочного масла, включила чайник и весело крикнула:

– Симка! Где у тебя хлеб? Жрать хочу, аж ноги сводит!

Серафима немного оторопела от такого вмешательства в свою жизнь и даже почувствовала себя немного лишней на собственной кухне. Но хлеб пришлось достать. Получалось некрасиво, если гостью не угостить хотя бы хлебом, поскольку все остальное она уже и сама достала.

– На вот, – промямлила хозяйка, – намазывай...

– Ладно, ладно, – махнула на нее рукой Лилька, отрезала здоровенный ломоть колбасы, приладила его на хлеб с маслом и чуть не разодрала рот, впихивая высокую конструкцию.

Серафима с интересом наблюдала – пролезет бутерброд или все же застрянет. Потом вдруг спохватилась, уселась рядом и как можно вежливее «намекнула»:

– И чего ты заявила?

Лилька с ответом не спешила. Она только отмахивалась: мол, дай поесть спокойно. Серафима терпеливо потягивала пустой чай – в магазине она еще не была, а должна была прийти еще и мамочка, ту тоже надо было хоть чаем напоить да к нему что-то подать.

– И чего не спросишь – что меня привело? – наконец вытерла красные, жирные губы белоснежным полотенцем Лилька. – Чего не интересуешься? Ах, да! Ты ж интересовалась! И правильно делала. Так я все о Толике...

– О каком Толике? – не поняла Серафима.

– Здра-а-асть! – отвесила челюсть Лилька. – О каком! О мертвом! Я тебе, Симка, просто не перестаю удивляться. Только что от ее злодейской руки погиб молодой, прекрасный мужчина, отец семейства, а она уже и помнить забыла! Ну, ва-а-аще...

У Серафимы где-то глубоко внутри шевельнулось нехорошее предчувствие.

– Лилька, я тебя честно предупреждаю. Если еще раз ты скажешь, что его грохнула я...

– Поняла, поняла, поняла! – затрясла ручками Федорова. – Я как раз это тебе и хотела предложить. Очень хорошо, что мы одинаково думаем. Я больше никогда – никому – не скажу, что это ты его урыла, но... За это ты мне должна дать тысячу долларов.

Сима Кукуева даже не шелохнулась. Она не была настолько крепконервная, просто до нее такие просьбы доходили не сразу, мудрый организм хранил хозяйку от потрясений.

– Чего моргаешь-то? – обиделась Лилька. – Я, между прочим, по-дружески с тобой, а ты... Тысяча долларов – это тебе не мужика по голове поленом!

– Я не...

– Да ладно тебе! – сморщилась Лилька и махнула рукой. – Опять скажешь, что ты не убивала, что ты не могла... Кому ты лепишь?! Чего теперь хвостом-то крутить? Можно подумать, я какая-нибудь недоразвитая. Я что, зря по этим гробницам шаталась?

– Мы не были в гробницах, мы...

– Да какая разница!

Лилька чувствовала себя на коне. Она вскочила со стула и уверенно зашагала по маленькой кухне: шаг вперед – лбом об стену, шаг назад – животом в окно. Долбиться о стены было неприятно, но на сидящую Кукуеву удобно было смотреть уничтожающе – сверху вниз.

– Я еще тогда, в автобусе, все поняла, – не допуская возражений, бурлила Лилька Федорова. – Попробуй-ка поленом по голове человека приложи, какой же мужик такое выдержит? Я вон своего Федорова гладильной доской долблю, так он знаешь, как обижается... А ведь он здоровенный, не то что Толик тот! А у тебя все прям как по маслу – бревнышком по головушке, а он ей потом денежки с поклоном. Держите меня, а то порвусь от смеха!

– Да не отдавал он мне никаких денежек, чего прилепилась?! – попыталась взбрыкнуть Серафима.

Однако Лилька прервала попытку на корню:

– Как же не отдавал? – фыркнула она и грозно топнула слоновьей ножкой. – Ты мне сама их показывала! Сначала, главное, сказала: «Вот, все отдал, еще и сотку сверху за беспокойство добавил!» – а теперь твердишь: «Не отдавал!» Не лги мне, злобная Симка! Короче: или с тебя тысяча баксов, или я иду в милицию и говорю, что ты его поленом приласкала. А он твоих деревянных ласк не выдержал и помер. Нет, все же не зря я за это дело зацепилась! Одним словом, давай сроки обговорим.

Серафима взглянула на подругу, попыталась уловить в ее глазах хоть что-то человеческое, но Лильку как подменили.

– К концу недели успеешь? – уже вполне миролюбиво спросила Федорова.

– Не-а, не успею. Я чего эти тысячи-то, рисую что ли?! – огрызнулась Серафима и еще раз спросила наудачу: – Лилька, а ты чего, в самом деле веришь, что это я его...

– Ну конечно! – изумилась та. – Ты всегда мне ненормальной казалась. Ну, смотри: с Шишовым не дружишь, по работе вы с ним всегда грызетесь, а ведь он твой начальник. Ты от него зависишь – сколько захочет, столько зарплаты и выделит. А ты морду воротишь от него. Я прям тебе удивлялась всегда. Это я теперь понимаю: если Сенька тебе платить не станет, ты его тоже по макушке дровами, и все дела. На нашего Сеню даже полена не надо – кулаком долбани покрепче, он и откинется. Нет, Симка, неправильную ты себе выбрала жизненную позу. Короче – отдавай мне деньги к концу месяца, а я все это время молчать буду. Но если не дашь...

Серафима вдруг усмехнулась:

– Ну скажешь ты в милиции, что это я его... А где доказательства?

– А какие еще нужны доказательства? – противно оскалилась Лилька. – Ты мне про полено говорила? Говорила! Он тебя обидел? Обидел! Пугал? Пугал. Вот тебе и все мотивы. И я, если что, могу еще сказать, что самолично этими вот глазами видела, как ты его дубасила.

Серафима серьезно задумалась, потом предупредила:

– Ну, хорошо. Только ведь если ты так скажешь, тебя же осудят как соучастника.

Лилька тоже подумала, потом обрадованно помотала головой:

– Не-а! Я ведь скажу, что ты меня все время в страхе держала. А как только у меня получилась возможность – вот она я, к вам, граждане милиционеры, прибежала. Не, ты чего... Я такого в свое оправдание наговорю, что тебе и не снилось! Ну, Сим, не капризничай. Отдавай деньги, и все, замнем это дело. Я тебя даже выгорожу – скажу ментам при случае, что ты вместе со мной в автобусе сидела, когда он выбежал.

Серафима снова задумалась. Если бы сейчас кто-то глянул на них со стороны, можно было подумать, что две подружки обсуждают, куда им съездить на выходные, – одна предлагает в лес, а другая как раз по дрова.

– Лилька, – возник у Кукуевой новый вопрос, – а если я тебе деньги отдам, а потом окажется, что милиция найдет настоящего преступника?

– Это тебя, что ли, найдет? – вытаращилась Лилька. – Так я ж тебе говорю, чем ты слушаешь?! Я тебя прикрывать буду-у-у!

Федорову заклинило. Если где-то маячили деньги, она была готова заложить собственного мужа! Хотя мужа она готова была закладывать даже и без денег...

– Ладно, Лилька... В конце месяца, ровно через три недели, я тебе отдам тысячу баксов. А теперь вали отсюда! Надо же мне придумать, где для тебя деньги найти, – рыкнула Кукуева и бесцеремонно вытолкала гостью в прихожую.

Однако та нисколько не обижалась. Заслышав, что через месяц у нее будет тысяча долларов, она стала медовым пряником.

– Ага, Симочка, убегаю! Испаряюсь! Кстати, у нас новый ломбард открыли, можно сдать... Или у тебя нечего сдавать? Тогда кредит возьми, сейчас всем дают. Ну, ладно, я побежала! Целую! Да, Симочка, ты Федорову – ни гу-гу! Это ж чистый криминал – убийство. Ты ж меня понимаешь, зачем тебе это нужно?

Выхлестнув на несчастную Серафиму Петровну лавину эмоций, Лилька Федорова унеслась – счастливая и возвышенная. Она всерьез считала, что оказала Кукуевой неоценимую услугу и та будет всю ночь сегодня умиляться ее благородству. Вот так лежать на подушке и умиляться! А может, и не ночью, а прямо сейчас завалится и начнет. Умиляться, в смысле.

Однако завалиться Серафиме не удалось, хотя она этого хотела больше всего – уж больно много на нее хлопот свалилось в один присест. Не успела она сердечно распрощаться с Лилькой, как в двери снова зазвонили, и в прихожую огромным махаоном впорхнула Сирена Романовна.

– Деточка! Я прямо умираю от нетерпения. Хочу заметить, что я оборвала тебе весь телефон. Где тебя носит, когда мамочка рвется в гости? Кстати, ты неважно выглядишь, прямо смотреть на тебя не хочется. Иди и немедленно наложи маску из прокисшего творога.

Сирена Романовна не давала дочери открыть рот, так ей не терпелось общаться.

– Ну, Серафимочка! Наливай же мне чаю! – капризно надула она подкрашенные губы и кокетливой походкой направилась за стол.

Сима только вытерла со стола за Лилькой, а теперь торопилась поить чаем мамочку. Она налила полную кружку кипятка, пододвинула к матери сахарницу и наконец уселась сама.

– Ну? – точно на экзамене, спросила Сирена Романовна дочь. – Расскажи, как у вас прошло первое свидание. Я надеюсь, вы смогли побеседовать, найти общие интересы? Какое у тебя было платье? А нижнее белье? Сейчас шьют белье такой красоты, что не устоит ни один водитель!

– Мама! – не выдержала Серафима. – Ну о каком нижнем белье может идти речь?!

– Ах! – испуганно прикрыла рот двумя ладошками Сирена Романовна. – Я понимаю, понимаю! Конечно, сейчас же нижнее белье носить уже не модно! Тем более на первое свидание! Сейчас модненько эдак и вовсе без лишних тряпочек. Правда же? Я наверняка кажусь тебе иногда динозавром!

– Мама! Ты иногда кажешься мне... девицей легкого поведения! – резко отчеканила дочь.

– Да что ты? – восторженно воскликнула матушка и игриво задергала плечами. – Ах, Симка! Ах, проказница! Знаешь, чем мамочку можно улестить!

Сима вздохнула. Честно говоря, от престарелого педагога хотелось бы совершенно другого. Однако некогда строгая и неприступная Сирена Романовна с годами растеряла свою непоколебимость и ничуть по данному поводу не печалилась. Единственное, что ей мешало жить в полной радости, так это незамужняя, обделенная мужским обожанием Сима. Отчего-то не жаловал сильный пол дочь Сирены Романовны. Поэтому любой мужчина, который приближался к Серафиме на расстояние вытянутой руки, обсуждался мамочкой с большим энтузиазмом.

– Симочка, дитя мое, не молчи. Рассказывай! – отставила кружку в сторону мать и подперла дряблые щеки ладошками. – Серафима, он читал тебе стихи?

– Кто, мам? – уныло спросила Сима. – Если ты про Шишова, так он остановки-то запомнить не может, куда ему стихи!

– Ну, хорошо, а ты? Ты читала? – сторала от нетерпения мамочка.

– Мам... – устало смерила ее взглядом Сима. – Даже когда я на пассажиров кричу, он меня заткнуться просит, а ты хочешь, чтобы я еще в промежутках и стихи читала? Я тебе сразу говорю – он до ближайшей остановки тогда не дотянет. Хватит твоего Шишова родимчик, а я виновата буду. Мам, послушай, а у тебя знакомых в милиции нет?

Сирена Романовна поглядела на свое отражение в блестящем чайнике и легкомысленно тряхнула кудряшками.

– Не-а! А зачем? Тебе надоела профессия кондуктора и ты желаешь устроиться в милицию?

– Да боже избавь! – замахала на нее руками дочь. – Я просто думаю... Вот ты же много читаешь, и как тебе кажется, сейчас милиция находит преступников?

Иногда Сима просто поражалась маменьке – самый обыкновенный вопрос порождал порой в ней всплеск кипучей фантазии. Как, например, сейчас.

– Ты боишься за свою честь? – загорелись глаза у матушки. – Тебя преследует маньяк? Знаешь, Сима, я где-то читала, что не все маньяки – преступники. Некоторые страдают весьма сносными маниями, например, манией величия или там kleptomанией. А есть еще никрофи... кхм, но это, наверное, все-таки не мания.

Сима грустно уставилась в окно: с маменькой говорить с каждым разом становилось все труднее – женщина грезила приключениями, бешеными страстями и высокими чувствами. А у Серафимы был как раз весьма земной вопрос.

– Мам, вот как ты думаешь, могут у нас человека осудить ни за что ни про что, а? – наконец выдавила из себя Сима.

– Нет! – патриотично вздернула голову вверх Сирена Романовна. – Не могут, это я тебе совершенно точно заявляю! Я перечла вагоны литературы и заявляю: не могут! Нет, случилось, что человека некоторое время держали в тюрьме по ошибке. Я читала, один даже шестнадцать лет провел по недоразумению, однако ж потом правда восторжествовала. И еще был случай – мужчина был осужден несправедливо, его даже расстреляли, и опять – настоящий преступник все-таки был обнаружен! И того невинного реабилитировали. Правда, посмертно. Ну, ты ж понимаешь, это издержки профессии.

От столь глубоких маминых познаний у Серафимы затряслись пальцы и кружка в руках весело запрыгала.

– Не трясись посудой, денег не будет, – мимоходом заметила мать и увлеченно вспоминала дальше: – А еще была статейка – только это за границей, не у нас, – там попросту поймали человека, а потом истязали его, пока он не сознался во всех грехах, а в конечном счете...

Чашка из рук Симы все же выскочила. Грохнулась на пол, и тоненькая витая ручка отвалилась.

– Доигралась... – покачала головой Сирена Романовна. – Я ведь с детства тебя воспитывала – не балуйся с посудой!

– Мам, а у нас такое может быть? – от волнения осипла Кукуева. – Ну чтобы там истязали, ошибались, издержки всякие?

– Ха! А наши чем хуже заграницы? У нас тоже все как у людей, еще и не такое встречается. Сима, так если у тебя пробудился такой интерес к документалистике, я сегодня же сделаю тебе подборку, где будут все статьи о промахах нашей милиции. Только, дитя мое, это так непатриотично, фи! – скривилась Сирена Романовна и оттопырила оба мизинчика.

Сима помотала головой и, чтобы хоть чем-то занять руки, достала другую чашку и налила себе еще чаю. Мамочка уходить не думала, а Симе так надо было побыть одной и собраться с мыслями...

– Ты, дочь моя, сегодня дурно себя ведешь. Поставь чай на место и не смей прикасаться к чашкам. И вообще – тебе нужно принять ванну с липовым отваром и с медом.

– Вот! – обрадованно вскочила Кукуева. – Этим я как раз и хотела заняться!

Она побежала в ванную и на всю мощь включила воду.

– А еще, – кричала матушка из кухни, – тебе необходимо наложить успокаивающую маску на веки!

«То есть чтобы я навеки успокоилась?» – мелькнула мысль у Симы, но мамочке она прокричала:

– И маску обязательно! И потом еще завернись в картофельную шелуху для омоложения кожи, и для хороших волос погрызу корень молодой герани с кусочками земли, и выпью настой из крабовых палочек, а для приворота мужчин натрусь протухшим яйцом!

Она выскочила из ванной, чтобы проводить родительницу, и замерла – бывшая учительница, ломая ручку, быстро конспектировала каждое слово дочери.

– Серафима, я не успела, для приворота чем надо натереться?

Когда вода уже собралась перелиться через край ванны, Сирена Романовна наконец стала прощаться.

– Дитя мое, значит, следующие два дня ты работаешь и мы не увидимся, но потом я непременно тебя навещу. И еще – выучи Пастернака и непременно прочитай его стихи Шишову. Он послушный мальчик и очень, очень тянется к знаниям. Он тебя оценит!

Оставшись одна, Кукуева залезла в ванну, и горячая вода успокоила трясущиеся органы. Однако на душе от этого легче не сделалось. Что ж такое получается? Сдуру Серафима сболтнула Лильке, что отходила пьяного мужика поленом, а его и впрямь кто-то приложил. И теперь Лилька ни за что не верит, что Сима тут ни при чем. А может, и верит, но ведь, вредина какая, из-за денег и впрямь заложит. Конечно, если разобраться, тысячу долларов насобирать можно, но ведь надо же знать Лильку: ей только один раз дай, она потом каждый месяц тридцатого числа будет приходить как за получкой! С автобуса уйдет, на кукуевском иждивении процветать станет. И не дать нельзя – точно в милицию пойдет. А если там поверят? А и чего б им не поверить... Свидетель есть – Лилька, преступник вот он – Кукуева. Быстро раскрытое дело! Маменька вон сколько статей в пример привела. Правда, все они заканчивались оптимистично, только Кукуевой вовсе не улыбалось быть реабилитированной посмертно.

И что же делать? Может, взять да и уехать куда-нибудь? Пусть Лилька попробует ее найти! Ага, а зачем ей искать... Расскажет свои сказки милиции, а уж те найдут, расстараятся. Да и мамочку жалко – кто ж тогда будет слушать ее бредни, совсем одна останется...

Сима глубоко вздохнула, и вода из ванны плеснулась-таки через край. Но она даже не заметила, так была занята поиском выхода из сложившейся ситуации. А если подождать – вдруг милиция все-таки обнаружит настоящего бандита? Или... А если самой вот так взять – и напасть на след убийцы? А чего? Она смелая, умная, находчивая... Сима только на миг представила, как подойдет завтра к тем самым кустам, где в последний раз видела несчастного мужчину, подойдет, а там сухая травка, примятый куст с облетевшими листьями и больше ничего. И кого там искать? Даже если допустить, что преступник оставил ценную улику – дубину со своими отпечатками пальцев, что она делать-то будет с этой дубиной? Куда потащит отпечатки? А где возьмет сами пальцы, откуда опечатки оставлены? Нет, поиск преступника надо оставить профессионалам. А что делать ей?

Этот вопрос мучил ее до самой кровати, а уже там, завернувшись в одеяло по самую голову, от усталости, Серафима вдруг обнаружила, что в голове ее просветилась ценная мысль: утро вечера мудренее, пусть будет, что будет; бог не выдаст, свинья не съест; не в свои сани... Ой, нет, последний перл народной мудрости тут не к месту будет, пожалуй...

Глава 2

В чужие сани все-таки уселась

Утро выдалось таким солнечно-радостным, что вчерашние переживания Серафиме показались детскими страшилками. Нет, ну в самом деле, кто поверит, что она вот так взяла и за здорово живешь прихлопнула мужика поленом, точно комара? Лилька вчера здорово пошутила, а сегодня наверняка будет умирать от удовольствия, рассказывая, как она ее, Симу, напугала. Уже сейчас, наверное, со своим Федоровым за животики хватаются. Да еще и мамочка со своими статейками... Той вообще только задай направление, а уж она такого наворочает! Ну, пошутили, и хватит.

После таких выводов на сердце у Кукуевой стало светло и свободно, хотелось петь, плясать, творить глупости и даже – черт с ним! – читать стихи Шишову. Серафима быстренько навела красоту перед зеркалом, расчесала небогатую поросль на голове и посмотрела на часы. Время еще оставалось. Кукуева схватила томик Фета и прилежно забубнила: «Пропаду от тоски и лени, одинокая жизнь не мила, сердце ноет, слабеют колени...»

Стих никак не запоминался, и Серафима, воровато подглядывая в книгу, упрямо повторяла: «Пропаду от лени одинокой... и... и что-то еще с коленями случилось...»

Вот идиотство, никак прям не получается! А при чем там дрожащие колени? Ага просто – «слабеют колени». Нет, все равно как-то нескромно. Да ну его, этого Шишова! Она его еще за день рождения не проучила, пьянь безответственную. Пригласил дам, а сам с мужиком на диван завалился. И еще поэзию ему?

Кукуева взглянула на часы и загремела ключами.

– Ой, чуть ведь не забыла! – хлопнула она себя по лбу и вернулась за мусорным пакетом.

Из подъезда Серафима вышла деловитой походкой, хотя так и подмывало подсакивать и подпрыгивать. Весело помахивая пакетом с отходами и посыпая тротуар яичной скорлупой, она бодро дошагала до мусорных баков, швырнула пакет и вздрогнула. От баков исходил тонкий писк.

– Чего этого баки попискивать надумали? – остановилась Сима и подошла ближе.

Пищали, конечно же, не мусорные контейнеры. Возле железных коробов с отходами аккуратно стояла высокая коробка, а в ней жались друг к другу два крошечных котенка. От свежего ноябрьского утра их ошутимо потряхивало, а из розовых ртов несло пронзительное мяуканье – котята звали на помощь.

Думала Серафима недолго. Она просто физически не могла выносить издевательств над животными. Вообще она была твердо уверена – хороший человек ни за что не обречет на мучение другое живое существо. Если мужчина с надменным взглядом, но некрасивый при виде котенка становится мальчишкой и нежно треплет животное за ушком, Серафиме он немедленно покажется красавцем. Если нафуфыренная дамочка не обращает внимания на то, как глупый шенок, играючи, пускает ей стрелу на дорогущих колготках, дамочка также делалась милой. А если какая-нибудь старушка с добрейшими глазами способна выкинуть на верную гибель кошку из дома, потому что она порвала любимую занавеску, от нее Сима могла ждать предательства в любой момент.

Вот и сейчас какая-то «добрая» душа оставила на мусорке двух беззащитных котят, вероятно, в качестве живого корма для бродячих псов. А те пищали изо всех сил, по глупости своей этих псов и привлекая.

– Не верещать! – скомандовала крикунам Серафима и подняла коробку. – Прям дом у вас какой-то... никакого эстетства. Ладно, полезайте в комфортные условия.

Запихав пушистые комочки за пазуху, Серафима понеслась к ближайшему киоску. Комочки согрелись и затихли.

– Девушка, у вас молочка не найдется?

– Пастеризованное, двадцать четыре рубля, – задрал голову под своды старенького киоска, процедила девушка.

– А «Назаровское» есть?

– Пятнадцать рублей, – перекивило продавщицу.

Серафима поправила котят за пазухой и бодро продиктовала:

– Значит, мне литр молока, пипетку и вон то печенье, в коробке такой большой, с кренделями.

– Это не печенье, – с невыносимым презрением выдала девица. – Это, чтоб вы знали, отруби. Пропитанные специальными травами, для быстрого и эффективного похудения. Новинка. Но вам оно без надобности, вы и так худеющая.

Серафима не обратила внимания на хамство – она подсчитывала в голове оставшиеся до получки деньги и наконец согласно мотнула головой:

– Вот и славно! Значит, мне молоко, пипетку и эту коробку. Только комбикорм вытряхните, можете его себе оставить, пригодится к Новому году фигурку отточить, а то вы как-то толстоваты для вашего возраста.

Девушка медленно повернулась и хотела как следует пропесочить нахальную покупательницу, но, взглянув на нее, испуганно затрясла губами:

– Что... что это у вас... У вас прям вся грудь того... ходуном вздыбилась! Ой, а сейчас куда-то поехала... Это у вас рак, да?

Серафима усмехнулась:

– Да какой рак! Это у меня котятка. Кто-то выкинул, а я... подобрала, грею вот. А коробку для них надо красивую... Девушка, вы бы поскорее, а? А то я на работу опаздываю.

Девчонка теперь завертелась юлой. Она плюхнула на прилавок пакет с молоком, потом немного задумалась и вытащила из-под витрины крепкую, аккуратную коробочку, разрисованную хорошенькими котятками.

– Вот эта больше подойдет, а ту и не берите. Такая дрянь те отруби, я вам скажу. И не помогают совсем. А вот пипеток у нас нет.

– Да ладно, что-нибудь придумаем, – отмахнулась Сима, сгребла покупки, поправила котят и понеслась на работу.

В автобусе уже сидел Шишов, напряженно разглядывал горизонт и нервно терзал мочку уха.

– А вот и сама Семафора! – мартышкой стал кривляться начальник. – А я все глаза проглядел – не идет ли милая кондючка? А и кто ж пассажиров ревом пугать у меня будет? А и кто ж...

– Ну чего ты макакой-то скривился? Ведь пятьдесят один уже отметили, – укоризненно покачала головой Серафима и деловито нахмурилась. – Вот, бери, как просил. В долги залезла, а твое пожелание выполнила. А все потому, что уважаю тебя, Сеня. Это... корнишоны, такая порода, как ты и требовал.

С самым печальным лицом она сунула ему в руки коробку с котятками и уныло опустилась в кресло.

– На что теперь жить? Слушай, плати мне больше, а то мне не расплатиться – с прежним-то доходом.

Шишов осторожно взял коробку, та пискнула. От неожиданности бравый водитель чуть не кинулся из автобуса.

– Ты чего дергаешься? – накинулась на него Серафима. – Там живые организмы, а он коробкой, смотри-ка, швыряется!

Она открыла коробку и осторожно выудила сначала одного котенка, потом второго.

– Я ж говорю – корнишоны, порода такая редкостная. Очень в нашей России ценится, бешеных денег стоят. Да чего я тебе говорю, ты ж сам меня просто умолял. Купи, говорил, мне породистых котят! Просто, говорил, сил нет, как душой зачерствел, дурак дураком сделался, а потому обязательно кисок надо! Вот я и купила. А опоздала потому, что несла их бережно, споткнуться боялась.

Семен Шишов недоверчиво скривил губы.

– Чо-то ты, мать, путаешь. Не мог я кошек просить. Не терплю я их с детства.

Серафима вытаращила глаза и прижала к плоской груди котят:

– Зверь! Не терпит он! А на фига просил? Я, может, последние деньги отдала! «Купи мне кошечку-у, Симочка», – некрасиво передразнила она. – Вот, купила тебе, как человеку, а теперь чего? Деньги отдавай, изверг!

Шишов уже было поверил, но снова усомнился:

– Врешь, никак не мог я тебя Симочкой назвать! – решительно изрек он. – Ты не в моем вкусе.

– Ах, не мо-о-ог? – захлебнулась Сима. – Не в твоём вку-у-усе? А кто меня замуж силком ташил, а? Кто меня в углу зажимал и говорил, что вечно мой? Кто на меня всю квартиру хотел переписать? Спроси у Лильки, мне перед ней так неудобно, мы ж вдвоем еле-еле тебя водой отлили!

При ее словах у Шишова на лице, как в калейдоскопе, заскакали веселые пятна – сначала красные, потом они сменились голубыми, а при упоминании о квартире Семен и вовсе весь покрылся зеленоватой бледностью.

– Ты... Семафора... тьфу ты, Серафима... Ты... чего это котят-то ухватила? Мои они, значит, неча их чужими руками жамкать... Ох ты черт, и куда ж их теперь? Давай, говорю, кошек!

Серафима протянула пушистиком Семену и на всякий случай предупредила:

– Смотри, Шишов, чтобы не вздумал их с рук сбегать. Приду через месяц – проверю. А если не обнаружу, так и знай – побегу платье свадебное шить, Лилька свидетелем пойдет!

– Ну, ты прям... чего уж... Ух ты ж черт! Слушай, давай их покормим, что ль? Как ты говоришь, они называются? Корнишоны?

Серафима замялась. Правильного названия породы котят она не знала, да и не было у них никакой породы, а если корнишонами звать, так знающие люди засмеют.

– Не надо породу называть, украдут. Ты им лучше имена придумай. А! Вон и Лилька... Она придумает, как назвать.

К ним действительно, кокетливо вихляясь, направлялась Лилька Федорова собственной персоной.

– Ну, вы даете! – с ходу завелась она. – Работать вам не будете, что ль? Вы и так-то не больно в деньгах увязли. Вот мы...

– Лилька, язви тебя! – рявкнул Семен, не в силах терпеть попреки. – Я ж в прошлом месяце твоему Федорову доказывал – мы больше вашего поработали! И вам... Скажи лучше, я вчера к Симке приставал? Только не ври!

Лилька стрельнула глазами на Серафиму, быстро сообразила, что к чему, и добросовестно соврала:

– Да! Прям при мне это и случилось! Ты теперь должен жениться на ней, я так считаю!

Шишов снова позеленел, горько прижал котят к груди и безнадежно проблеял:

– А-а-а...

– И Федоров тоже так думает! – добила его Лилька. – Сима, ты не печалься, пойдем, я тебе на всякий случай дам свой женский совет. Ну, чего ты тормозишь? Пойдем выйдем, говорю!

Серафима, глядя на несчастного Шишова, еле сдерживала смех. С подругой они выскочили из автобуса и завернули за остановку.

– Молодец, правильно ты его, – похвалила Лилька. – Пользуйся случаем, а то кто тебя возьмет, правда же? Но я не об этом. Ты про вчерашний-то разговор не забыла?

Серафима прищурила глаза в доброй улыбке и понимающе закивала:

– Да разве ж такое забудешь... Ну ты молодец! Надо ж, так лихо повернула... Хи-хи...

А я только потом догадалась...

– Догадалась, где деньги взять? – тоже улыбнулась Лилька. – Ну и молодец. Так, может, тогда раньше отдашь?

Серафима вытянулась, как будто только что проглотила шпагу. Причем вместе с факиром. Так, значит, вчера был не розыгрыш?

– Так ты вчера серьезно? – все еще не верила она.

– Ну конечно! – вытаращилась на нее Лилька и увлеченно затарахтела: – Представь! Я еще вчера домой пришла и думаю, а вдруг ты отказываться станешь? Ну, скажешь, например, что меня и вовсе в тот день не видела. Так я ведь не поленилась, провела с Федоровым беседу, и он теперь скажет, что тоже видел, как ты мужика в кусты тащила. Потом еще Свиридов, знаешь, с соседнего маршрута, он, оказывается, в те кусты решил забежать по некультурному делу, а вы его с потерпевшим спугнули, так что он тоже подтвердит, что видел тебя с ним, а потом...

Серафима даже не стала слушать дальше. Она только презрительно фыркнула и молчком поплелась в свой автобус. Утреннее настроение поггло.

Весь день потом пошел кувырком. Шишов орал больше обычного, теперь уже из-за котят – ему все время казалось, что Сима слишком громко кричит, что слишком мало покормила. И сетовал, что та не выносит малышей на прогулку в минуты недолгого перекура. И пассажиры попадались какие-то нервные и капризные – никак не хотели ехать молча, а все время приставали с вопросами.

– Доча! – изо всех сил кричала кондуктору бабушка с заднего сиденья. – Доча, я до деревни Гусьянка доеду?

– Доедете, бабушка, – уныло отвечала Сима, раздумывая, как бы отвязаться от Лильки. – Обязательно доедете, если на электричку сядете. А наш автобус по деревням не ходит.

Старушка возмутилась.

– Это как же не ходит, милая моя?! Я сядни сына спросила, а он мне грит: «Мамаша, идите на автовокзал, там любой автобус до Гусьянки допрет!» А ты мне гриш – не ходят!

– Бабушка, так это ж с автовокзала! Там автобусы другие, а у нас городской.

Старушка не унималась. Для более продуктивной беседы она даже покинула насиженное место и теперь пробиралась через весь салон.

– Дык как же... Я ж вот у этой женщины сынтересовалась, вон у той, котора с книжкой, – это, мол, автовокзал? Она мне кивнула, я и прыгнула! А теперича куды ж... Не ходят... А може, вы это... забросите меня, а? Ну, сделаете маленький крючок, вам чего...

У Серафимы уже кончалось терпение.

– Бабушка! Ничего себе – забросить... Вы ж не бумеранг! Куда ж мы людей денем? И какой же крючок делать? – вытаращила глаза Серафима. – Это ж нам полдня вас везти!

– Так не на себе ж тащить! – обозлилась старушка. – А мне теперича куды? Вон эта женщина... – Она протиснулась вплотную к сиденью, где, уткнувшись в буквы, сидела книголюбка, и напористо крикнула: – Эй! Тетка с книжкой! Какого лешака ты мне наговорила?

Женщина с книгой даже ухом не повела, настолько была увлечена чтением.

– Во, Донцову читает! – с презрением сообщил пассажирам толстый дядька, который не поленился – наклонился и прочитал имя автора на обложке. – Вот ведь, какую чушь только не выпускают! Чего только не пишут! Я вот аккуратно эту фигню читаю и каждый раз – ну вот честно – каждый раз негоую. Надо же – баба сидела, сидела дома, а потом раз – и пошла

преступления раскрывать. И ведь главное что – милиция раскрыть не может, а она – нате вам лопату – раскрывает! А наши бабы, дуры, читают! Лучше бы кулинарную книгу с собой в автобусах возили.

– Ой, эти мне мужики! – не удержалась степенная дама в шляпке с пером. – Сами больше нас иронические детективы читают, а уж так выпендриваются, будто кроме философских энциклопедий ничего в руки не берут. А мне нравится Донцова. У нее много юмора и добра. Вот так прямо и веет теплотой от ее книжек, так и веет!

Дядька напряжился: видимо, не привык, чтобы ему перечили.

– Это ж с чего на вас так повеяло? Попросите водителя форточку закрыть! Теплом... Это бензином на вас! А я вот считаю, что таким книгам не место на книжной полке. Вот такие, как эти, с позволения сказать, книги только засоряют литературу!

– А вот такие, как вы, вообще всю литературу загубили! – гневно тряхнула дама перьями. – Всех выгнали, сослали, запретили, и что?! Всю культуру под корень извели! А если мы хотим Донцову, Куликову, а не ваши, прости господи, плейбой? Может, у нас свои, женские интересы есть?

Автобус загудел. Тема, как оказалось, была животрепещущей. Каждый считал своим долгом высказаться, не участвовала в споре только женщина с книгой.

– А я вообще, когда от меня муж ушел, только Донцовой спаслась, – тихо проговорила толстенная женщина со здоровенным догом. – У нее... надежда какая-то есть. Понимаете, она говорит, что... ну что всегда надо на лучшее надеяться, хандрить не дает... А еще она животных любит... Вот ее и читала.

– Потому что дура! – кричал на нее рядом стоящий мужик с сизым носом. – Побольше читай, от тебя и псина сбежит!

– А будете ругаться, я на вас собаку спущу, – так же тихо пообещала женщина.

Сизоносый притих и, что-то напевая, уткнулся в окно.

– Граждане пассажиры! Попрошу к порядку! – пыталась успокоить разбуянившихся спорщиков Серафима, однако ее и вовсе не замечали. – Граж...

– Кругом и так дышать нечем, а этим все хиханьки!

– Наличие юмора – показатель интеллекта!

– Сам дурак!

– И кто их только покупает? Я вот пять книг прочитала, а ума не набралась!

– Откуда у вас ум, если и мозгов-то нет?

– Я – доктор математических наук! – все больше распаялась дама в перьях. – Могу я после работы не ваши экономические потуги читать, а просто расслабиться, а? Могу?

– А я кандидат в мастера спорта! – вдруг сообщил здоровенный детина. – И вообще ни фига не читаю! И ничего, не умер!

От шума даже котят завозились и испуганно пискнули. Этого вытерпеть Шишов уже не мог. Он остановил автобус, высунулся со своего места и срывающимся голосом заорал:

– Граждане! Граж-да-не! А вот не люблю оперу! Не люблю, и все!

– А тебя вообще никто не спрашивает! – рыкнул на него толстый дядька. – Засунься обратно!

– Я те засунь! Пешком сейчас брюхо потащишь! – огрызнулся Семен. И продолжал дальше проникновенно: – Граждане, так я вам про оперу. Вот не люблю я ее! Слышь, жирный, ты же тоже не любишь, да? Да у тебя по роже видно – какая уж тебе опера... Но я ж не говорю, что ее быть не должно. Это ж искусство! Ты захотел – сходил. Я не захотел – не пошел. Так и книги. Захотел – читай Петрова, захотел – Сидорова. Чего орать-то? Взрослые ж люди, неужели трудно догадаться? И вообще – кто про культуру воплем орет, первый дурак и есть. Всем понятно? – рявкнул Шишов так, что подпрыгнули не только котят, но и Серафима. А потом уже совсем просто добавил: – А если еще орать будете, я вообще стоять буду.

Пассажиры все же решили ехать, поэтому скоренько утихомирились, и автобус тронулся. – Ты, сынок, проехал, – вдруг раздался бойкий голосок старушки. – На Гусянку надо было на этом повороте завернуть.

Шишов только сжал зубы и крепче вцепился в руль, а Серафима и вовсе бабушку не услышала – она теперь думала только об одном: как бы ей добраться до женщины с книгой.

Удача Серафиме улыбнулась – читательница проехала свою остановку и очнулась только на конечной.

– Ой... а где это мы? – точно спросонья заморгала она.

– Не пугайтесь, вы на конечной, – ласково залучилась Серафима. – Да вы не торопитесь, все равно опоздали. Скажите, а что, в книге и в самом деле простая женщина раскрывает убийства?

Дамочка с таким видом взглянула на кондуктора, будто та показывала стриптиз в детском саду.

– Вы что, не читали Донцову? Как же это вас судьба-то обделила... А женщина там простая. И убийства раскрывает. Потому что дотошная, ну и умная, как все мы, женщины.

Дама усмехнулась, положила книгу с яркой обложкой Симе на колени и легко спрыгнула с подножки.

У Серафимы екнуло сердце. Где-то глубоко заворчалась надежда, и даже настроение улучшилось.

– Сеня! Черт патлатый! Чего расселся? – лихо выкрикнула она и неожиданно разлохматила чуб своего шефа. – Езжай давай, покажем этим Федоровым!

Ну и Шишов расстарался. Он гонял автобус, точно шальной, забирал пассажиров из-под самого носа остальных водителей и вообще вел себя вызывающе.

– Совесть-то имей... – не выдержала Серафима, когда он, совсем обнаглев, подрезал своего друга Федорова.

– Какая совесть? У меня дети! – возмутился Семен, кивнув на котят.

Те вели себя смирно – свернувшись в красочной коробке, только и делали, что спали. Однако Шишов все равно закончил работу раньше обычного.

– Все, теперь домой, надо Татьяне зверей всучить, пусть кормит, к месту приучает. Книжки пусть почитает, чтобы все по науке. Как-никак... корнишоны!

Серафима только удивленно вздернула брови:

– И кто это говорил, что не переносит кошек? С чего это тебя так проняло?

– С чего? – взвился Шишов. – Так лучше с котами всю жизнь, чем тебя в жены! Да еще и квартиру на нее перепиши... Слышь, Хиросима, давай так: я тебе отдаю деньги за кошек, а ты... а ты не будешь... ну, чтоб я как порядочный мужик поступал. По рукам? И чего ты тарачишься-то? Говорю же: я тебе деньги, а ты женишься на мне не будешь. Согласна?

Серафима только с облегчением вздохнула. Однако тут же немедленно запечалилась:

– Я прям и не знаю... Отказаться от тебя? Хм... Тогда зарплату повысь. А еще... Я, наверное, завтра припозднюсь. Ладно? Так прям чего-то в сердце колет... – со слезой в голосе пролопотала она. А для верности добавила: – Думаешь, легко так – на шею лебединой песне наступать? Мне нужны дополнительные часы, чтобы тебя забыть...

Шишов тоже поторопился запечалиться:

– Я понимаю, понимаю... – несчастным голосом бормотал он, отсчитывая деньги за котят. – Конечно, можешь припоздниться... Я сожалею, сочувствую... Может быть, когда-нибудь я и соглашусь за тебя замуж... Ну, мало ли, вдруг там меня парализует, или еще какая хворь объявится... Так чтоб дочкам не мешать, тогда уж я к тебе...

«А я тогда, не раздумывая, сразу под поезд», – подумала Серафима. Однако горько затрясла головой, с печальной внимательностью пересчитала деньги и как тяжелобольная поплелась к дому.

Завернув за угол, она радостно передернула плечами, пошелестела деньгами и почти бегом пустилась в магазин. Сейчас она накупит конфет, йогуртов, будет лежать на диване и читать... И кто знает, может быть, найдет решение!

Книгу, которую любезно оставила ей пассажирка, она закончила читать, когда за окном уже серело утро. Никакого рецепта не нашла, зато обрела твердую уверенность, что свои проблемы решит сама.

– С чего начнем? – спросила она у своего отражения в зеркале. – Самое первое это... это здоровый, крепкий сон! Сейчас высплюсь, а там уже... Ну, Лилька, держись!

Проспав до двух дня, Серафима встала со светлой головой и весьма ценной мыслью в ней.

– И чего я такая дура? – спрашивала сама себя Сима, уплетая дорогие сардельки, которые вчера купила на «кошачьи» деньги. – Выход есть: в тюрьму я не сяду и денег платить не стану. Ну, во-первых, я и сама могу отыскать преступника, только взяться надо. А во-вторых... Можно и у Лильки столько грехов нарыть, что она и забудет, что такое шантаж! Хотя... последний вариант не катит. Лилька своего не упустит, так и будет всю жизнь тыкать – ты убила, ты... А интересно, кто же на самом деле убил того бедолагу? Надо все-таки сходить к его жене...

Чтобы поговорить с женой потерпевшего на доброй ноте, Серафиме пришлось побеспокоиться заранее. Сначала надо было все же отработать оставшиеся часы – не такие большие деньги она получала, чтобы плевать на работу.

– Ну, Серафимочка, как твое драгоценное здоровье? – тоном доброго Дедушки Мороза приветствовал ее Шишов. – Чего-то глазки провалились, губки сморщились, мордочка постарела... У меня баба Маруся была, так она так же выглядела, когда ее хоронили. Ты случаем не захворала? Выглядишь, как будто у тебя туберкулез.

Серафима выпучила на него глаза и страшно зашипела:

– Будешь приставать – завтра к тебе перееду. Туберкулез! Я, может, всю ночь не спала! Я, может, всю ночь плакала в подушку! Да чего стоишь-то? Поехали уже, вон сколько народу на остановке собралось, сейчас Федоров выедет, всех подберет...

Федоровы после вчерашних гонок сегодня принципиально не появлялись. Но ни Шишов, ни тем более Серафима особенно не скучали.

– Граждане! Не забываем о взаимной вежливости! – привычно надрывалась Серафима. – Помните, пассажиры: кондуктор тоже человек и хочет кушать! Поэтому не прячем кошельки, не прячем! Расплачиваемся! Женщина, веселее расплачивайтесь, веселее!

– За меня муж платит! – буркнула толстая тетка и толкнула рядом стоящего мужичка. – Гена! Плати, говорю!

Мужичок дернул локтем и на даму не отреагировал.

– Ген! Немедленно доставай кошелек! На нас уже смотрят!

– Сама доставай, я в прошлый раз платил, – наконец разлепил губы мужчина.

– Ну и что? У меня деньги в лифчике, я не могу их при всех доставать. Мне неудобно! – кипятилась дама.

– Граждане! – возопил мужчина. – Отвернитесь, пожалуйста! Моя супруга кошелек достанет! Прошу по-человечески: не смотрите, она стесняется. Честно говорю: я смотрел, там ничего хорошего!

Мужчина тут же получил крепкую затрещину и лишился всех денег – жена самовольно достала деньги у него из кармана и передала кондуктору сотку.

– Сдачи не надо! – по-барски крикнула она и мстительно уставилась на мужа: – Это тебе штраф!

Когда измотанный трудовым днем Шишов уже направлялся домой, рядом с ним бодро посеменила Серафима. Семен некоторое время шел молча, только подозрительно косился на напарницу и нервно прихихикивал. Но возле своего подъезда не выдержал:

– Семафора, язви тебя! Ты куда прешь? Ко мне, что ль? А ведь вроде обещала оставить меня в покое. Чего, опять с собой совладать не можешь?

Серафима приложила руки к груди и тихо заблеяла:

– Мне на-а-адо... Тебе жалко, да? Я только на котятку глянуть... Соскучилась, у меня ведь никого! Ни тебя, не котятку... – Но, устав придуряться, капризно притопнула. – Пусти, говорю, все равно не уйду!

Шишов в изнеможении задрал голову к небу и пожаловался кому-то там, наверху:

– Ну вот, что делать, если красивым уродился, а? Ну хоть удавись теперь! Ладно, Симка, тащись. Только сразу говорю – на ночь не оставлю!

Едва Серафима с Шишовым вошли в прихожую, как им навстречу выскочила Ирина с котятами в обеих руках.

– Ой, пап, они сегодня так плачут, так плачут... А спать не хотят! Я им и колыбельную пела, как ты учил, а они еще громче пищать начинают.

– А чего ты их на руках держишь? – удивилась Серафима.

– Так это... папа же сказал, – выпучила круглые глаза Ирина. – Говорит, чтобы на полу не простудились...

– И ты их весь день таскаешь? – не поверила Серафима.

Шишов понял, что со своими указаниями явно погорячился, раздул ноздри и задиристо заверещал:

– А и носит! И что такого? Чай, не теленка на руках таскает. Ирка, язви тебя! Они ж, наверное, голодные. Отпусти кошек, покорми их, да нам собери на стол. Слышь, Серафима, ты чего делать-то будешь? Может, тебе фотографии дать? Только я там на фотках с бывшей женой. Ты как? Перенесешь?

– А Татьяна скоро придет? – сдерживая зевоту, спросила Сима.

– Да вот сейчас и придет. А тебе зачем? – насторожился Шишов.

Серафима неопределенно пожала плечами:

– Ну, так... ближе познакомиться хочу.

Шишов издал жалкий всхлип и унесся в ванную. Никто и никогда еще не брал его таким любовным штурмом, и ему предстояло всерьез поразмышлять, как не сдать позиции.

Татьяну долго ждать не пришлось. Серафима как раз чесала полосатому котенку пузо, когда она пришла с работы, нагруженная пакетами.

– Ой, здрасте! Устала – прям сил нет, – плюхнулась она на стул и засюсюкала: – Симочка, Симочка, Симуля!

Серафима почувствовала себя неловко. Ей, несомненно, нравилась Татьяна, однако ж для такой фамильярности они еще были недостаточно знакомы.

– Зовите меня просто Серафима, – крякнула она и поправила платье.

Татьяна туманным взором уставилась на гостью, потом что-то поняла, фыркнула и смущенно прикрыла рот рукой:

– Простите, это я котенка. Папа их назвал Симой и Фимой. Он сказал, что это самые кошачьи имена. А и правда красиво – Сима и Фима. Песня просто!

– Красиво, я эту песню всю жизнь слушаю, – перекинулась Серафима и сухо доложила: – Я к вам по делу. Понимаете...

Дальше следовало поменять тон на просительный. Однако так просто не получалось, поэтому Сима бесцеремонно попросила:

– А пойдете пить чай!

Татьяна кивнула и направилась в кухню. На кухне батюшка уже торопливо засовывал в себя бутерброд с кабачковой икрой и, давясь вкуснятиной, шепотом пожаловался:

– Вот, Танька, влюбилась в меня баба, прям прохожу... А, Симочка! Проходи!

Серафима уселась за стол под удивленным взглядом старшей дочери.

– Семен, не смог бы ты нас оставить? – спросила она, жеманно почесывая у себя за ухом. – У меня тут несколько вопросов...

Шишов обреченно опустил руки по швам:

– А я тебе, Танька, чего говорил? Эх... – горько махнул он рукой и пошагал в комнату.

С уходом Шишова Серафима резко переменялась. Она бросила кривляться, а доверчиво попросила:

– Таня, как бы мне с вашей Алисой поговорить. Ну, с хозяйкой аптеки, у которой муж умер. Понимаете... понимаешь... у меня у соседки сын юридический университет заканчивает. И им домашнее задание дали – каждому поймать хотя бы одного настоящего преступника. А дело в том... – увлеченно врала она, сама себе начиная понемногу верить. – Понимаешь, а на всех студентов у нас преступлений не хватает.

– Да и слава богу! – проникновенно высказалась Татьяна.

– Ну, это конечно, только как парню-то быть? Вот как двойку ему поставят, и куда он потом, двоечник, устроится? Переживает. А тут я возьми да и проболтайся ему, что у знакомой мужа поленом убили... Вот он теперь с меня, можно сказать, с живой не слазит – сходите да сходите, узнайте все поподробнее...

Татьяна нахмурилась и покачала головой:

– Ой, нехорошо это, у человека еще вся душа разворочена, а вы...

– И я вот так же ему сразу и сказала! Вот прям слово в слово! – яростно продолжала Серафима. – А он мне – а как же, говорит, преступника искать? И что же, простить этому изуверу такое дикое злодейство?

Татьяна нахмурилась еще больше и снова покачала головой:

– Да как же можно такое простить?

– И я сразу же так подумала. А еще ведь вот какая беда, это мне тоже тот юрист недоделанный сказал. Он говорит, что пока настоящего преступника не нашли, то могут запросто ошибиться и поймать невиновного. Так теперь сама подумай – можем мы на самотек расследование пускать? Можешь ничего не говорить, Таня, я вижу, тебя уже повело всю. Конечно, никак не можем!

Татьяна смотрела Серафиме в рот и ждала указаний.

– Так и чего? – не дождалась она. – Мне позвонить и сказать, чтобы Алиса Гавриловна вам все рассказала? Я, конечно, позвоню, только она возьмет и меня не послушает, я же там шишка-то невеликая...

Серафима улыбнулась чуть свысока. Она уже продумала этот момент.

– А ты не говори, что мы с тем юным юристом преступника ищем. Неприятно это – по многу раз рассказывать о наблевшем. Мы не так сделаем. Ты вспомни: может, той Алисе помощь какая требуется? Ну, по дому там чего сделать или постирать. А может, ей ночью одной страшно спать, а?

Татьяна задумалась. Думала долго, а потом проговорила:

– Вот про ночь я не спрашивала, как-то недопетрила, а по дому... Я не знаю, она вроде ничего не говорила. Слушайте, Серафима! А чего нам ждать? Давайте скажем, что после покойника надо окна мыть во всей квартире, ну, мол, примета такая. И вроде как я к ней вас направила. Вот сто пудов, Алиса Гавриловна вам обрадуется, потому что кому же нравится окна мыть! Да еще во всех комнатах!

Серафима скисла.

– Ты знаешь, я вот тоже по части окон не большая любительница...

– А если надо? – презрительно сощурилась Татьяна. – А если преступник на воле ходит? Нет уж, я сегодня же позвоню, а вы завтра же с утра – тряпочку, ведерочко берите и к Костеренко!

– А что, еще и у какого-то Костеренко окна мыть? – вытаращилась Серафима.

– Костеренко Алиса Гавриловна – так звучит ее полное имя. Понятно? Ну все, договорились.

На этой оптимистической ноте Серафима и покинула гостеприимный дом Шишовых, забыв попрощаться с «разлюбезным» Сенечкой.

Работать Серафиме Кукуевой нравилось. Особенно ее радовало, что через каждые два дня нервного труда наступали вполне законные два дня выходных. Единственное, что ее не совсем устраивало, – хиленькая зарплата. Однако с этим она собиралась бороться. Но сейчас, когда позарез необходимо было свободное время, ее даже зарплата не сильно печалила.

Встав по будильнику в семь часов, Серафима быстренько уложила волосы феном, отчего те вздыбились так, будто их оскорбили, накрасила все, что можно было накрашивать, и направилась к зеркалу.

– Сегодня я как-то вызывающе хороша, – с сожалением поцокала она языком.

Еще бы не сожалеть! Хороша она была от силы раза два в году – строго на Восьмое марта, когда все женщины выглядят великолепно, и еще отчего-то в родительский день, когда требуется смотреться серенько и скорбно. Сегодня тоже вид должен был быть убогим, так Алисе Гавриловне удобнее было бы перед мойщицей окон раскрыться. Однако ж щеки Кукуевой пылали абрикосовым румянцем, накрашенные глаза сверкали, а губы лукаво извивались и выглядели похотливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.